

С. Васюков

Васюков Семен Иванович

Васюков Семен Иванович - писатель (1854 - 1908). Учился в Петровско-Разумовской академии. Очерки и рассказы его печатались в "Русских Ведомостях", "Вестнике Европы", "Русском Слове" и др. В последние годы жизни состоял сотрудником "Нового Времени", поместив в этой газете ряд корреспонденций с Черноморского побережья. В молодости ходил в народ и подвергся кратковременной административной ссылке. Результатом этого периода жизни Васюкова явились воспоминания о Глебе Успенском, о Ф.Д. Нефедове и о 70-х годах, напечатанные в "Историческом Вестнике" под названием: "В народ". Отдельным изданием вышли книги Васюкова: "Среди жизни. Этюды и очерки" (М., 1890); "Очерки и рассказы" (2-е издание, М., 1896); "Карьеристы и идеалисты. Очерки и эскизы" (М., 1899); "Целебный край. Кавказские минеральные воды" (2-е издание, СПб., 1901); "Край гордой красоты" (СПб., 1903); "Ремонтный рабочий" (М., 1905) и др.

Предисловие

Почти незаселенный, неисследованный край, край будущего, роскошный и суровый край!

Беспокойное море, зеленые горы, угрюмые скалы, руины и памятники времен Римской империи и гуннов, предания горных племен, русские поселения и города – первые шаги русской культуры – все полно живого интереса в стране гордой красоты, интереса, который растет и крепнет при близком знакомстве с побережьем.

Это не Крым, не Италия и не Швейцария – сходства нет... Это красота своеобразная, красота силы и сурового могущества!

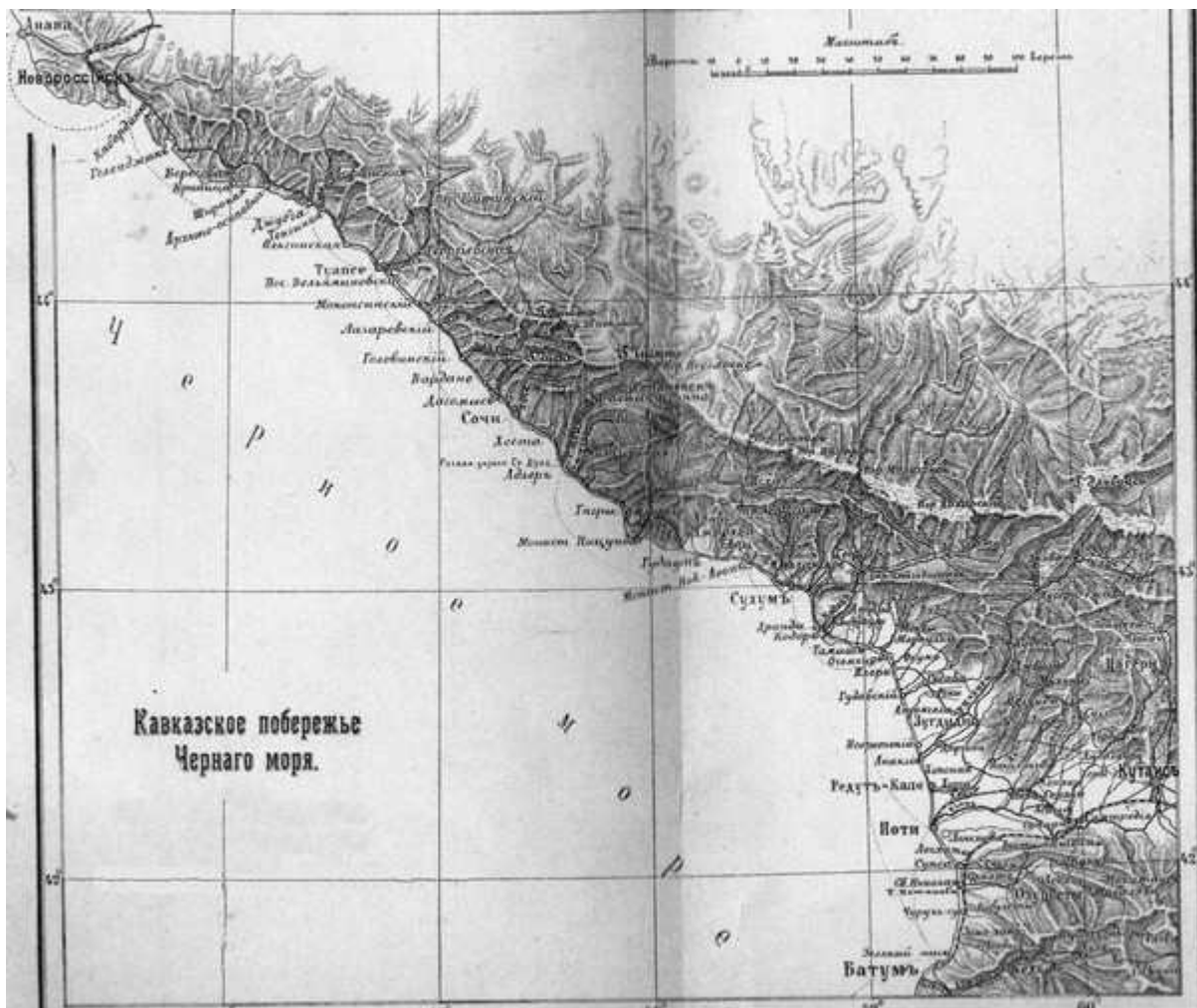
Правда, нежны краски юга, поэтичны и тонки очертания горных вершин, живописны до художественности, яркой, колоритной, местные пейзажи, лазурно блестящее, далекое море, но... но за зелеными горами выступают в снеговом величии неподвижные гиганты, а лазурное море, обращаясь в седую, грозную бурю, ропщет и стонет, когда снеговые вершины покрываются толпой мрачными тучами.

Но когда тихо и ясно на небе – гордая красота в своем блеске – все крепко, величественно, сила природы велика и разнообразна: крепки деревья, могучи скалы, быстры и сильны звери и животные, и должен быть крепок и силен человек, тогда он может жить и властвовать в этом гордом и непреклонном царстве!..

Общий характер природы Черноморской губернии.

Новая (с 1896 года) Черноморская губерния представляет собой узкую полосу земли, длина которой несколько более 300 верст, а ширина в южной части 50, в северной 15, и около Новороссийска только 3 версты.

Черноморская губерния состоит из 3-х округов (нечто вроде уездов): Новороссийского, Туапсинского и Сочинского и занимает пространство 6.455 квадратных верст с населением всего 60.000 душ обоего пола.

Раньше эта местность вся была заселена кавказскими горцами: на севере жили шапсуги, к югу убыхи, джигеты, абазины, одним словом население, известное прежде под общим названием черкесов.

После завоевания Кавказа, в наследие русским осталась горная культура, т.е. прекрасные фруктовые сады и хорошие, крепкие горные дороги. Но ни тем, ни другим русские не воспользовались, и, ни садов, ни дорог не поддерживали, а потому о черкеской культуре остались более чем бледные воспоминания. Черкесы имели прекрасный мелкий скот, их лошади славились быстротой и выносливостью. Огромные стада овец и коз паслись в горах – горцы умели хранить и поддерживать породу.

В настоящее время скот плохой, кони жалкие, а овец и вовсе не разводят русские поселенцы.

– Почему?

– Волки загрызают.

А, по моему мнению, потому, что нет опытных чабанов (пастухов) и отсутствует инициатива. Черноморская губерния сплошь гористая, спускается к морю террасами, берег крутой, а в некоторых местах (Джанхот) прямо вертикальный, точно обрубленный гигантским топором древнего исполина.

Такие отвесные скалы идут от Новороссийска до Сочи, прерываясь местами и образуя выходы долин к морю. Такие выходы из гор или выходы с моря называются «щелями».

Кстати, в горах Черноморья сохранились удивительные сооружения из огромных каменных плит (пяти), сложенных наподобие жилищ, с круглым отверстием с одной стороны... Эти памятники называются дольменами, а по-местному – богатырскими хатами. Одни дольмены находятся высоко в горах, другие ниже, в ущельях. Кто, когда,

какой народ, и для какой цели строил их – неизвестно. Эти удивительные по крепости постройки называются доисторическими памятниками, которыми дорожили, оберегая их, черкесы. Но русские, главным образом инженеры и подрядчики, большинство дольменов разрушили, употребив их огромные камни на постройку мостов во время проведения в 1891 году берегового шоссе от Новороссийска в Сухуми. Подверглись разрушению дольмены, поставленные невысоко, а по вершинам гор они сохранились, например, близ Геленджика, и еще каким-то чудом остались целы дольмены, вблизи шоссе, в 2-х верстах от селения Пшада. Близ Фальшивого Геленджика находился огромный дольмен, в котором жил поселянин Фоменко, но строители Новороссийско-Сухумского шоссе, неизвестно по какому праву, выгнали его и дольмен употребили на дорожные надобности.

Почва, как долин, так и возвышенностей Черноморской губернии, редко черноземная, около Новороссийска известковая, состоящая из особого сорта известкового камня, по-местному – трескуна, твердого в сыром виде и трескающегося и обращающегося от удара в песок в сухом состоянии.

Большими пластами залегает по направлению от Новороссийска к югу, к Михайловскому перевалу, и далее кремнекислый известняк, служащий, как известно, для приготовления цемента. Цементные заводы, один в Новороссийске, другой в Геленджике Франко-русской компании (только не русской), работают хорошо, имея сбыт даже на Дальнем Востоке.

Почвы, вообще годной для хлебопашества, мало, а если таковая и имеется в долинах по речкам, то ее лучше было бы эксплуатировать под огороды, а южнее – под фруктовые насаждения. Но с другой стороны, как русскому крестьянину быть без своего хлеба, этого первого продукта в крестьянском хозяйстве?

Огородную культуру я рекомендую в местности Новороссийск – Михайловский перевал, потому что здесь норд-ост не позволит развитию фруктовых деревьев.

Климат Черноморской губернии нужно считать теплым, но не жарким.

Представляю сравнительную табличку температуры по Цельсию:

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Новороссийск	0,9	2,3	5,4	11,2	16,5	20,8	24	23,6	18,8	14,3	8,7	4,5
Сочи	4,8	5,6	8,2	12	16,5	19,8	23	22,9	19,7	35,8	11,5	8,1

Влажность, начиная от Туапсе, принимает большие размеры по мере удаления на юг. Многие ставят малярию исключительно от степени влажности местности. Конечно, влажность имеет влияние, но лихорадки – явление повсеместное на всем побережье. И она превосходно существует и в сухом климате Геленджика и Новороссийска; в последнем цемесское болото весьма помогает развитию малярии.

Когда я спросил доктора одной местности, доктора давно живущего на побережье, есть ли в этом месте лихорадки, то он меня сам спросил:

– А где их нет на побережье, скажите, ну, где?

Я молчал.

– Лихорадки имеются по всему побережью, без исключения. Конечно, в одних местах большие заболевания, в других их меньше, в том только и разница, – проговорил доктор.

Его слова всегда оправдывались при моих наблюдениях.

Растительность составляют дуб, бук, ясень, карагач (крепкое черное дерево), клен, граб, липа, дикая яблоня, груша, алыча, кизил, вишня и черешня – все эти породы принадлежность горных лесов, в которых кустарниками растут: дикий миндаль, азалия (рододендрон) и туя, также орехи и каштановое дерево. Вся эта горная растительность сплетена, перевита хмелем, плющом, диким виноградом и другими лианами. Луговая флора по склонам гор разнообразна: дикие розы, горные фиалки, гиацинты, дикий шафран, тюльпаны, дикие пионы, орхидеи. Множество кормовых душистых трав гарантируют хороший корм для скота, которого нет, ибо скотоводством никто не занимается. Сорных трав на побережье вообще встречается масса, а также чужеродных растений, из которых больше – омела. В горах немало ядовитых цветов, из которых укажу на ясенец (местное название), к сырым цветам которого если прикоснуться, то тело покрывается волдырями, переходящими, по заживлению, в темные пятна на коже.

Из хищных зверей должен указать на медведя, волка, лисицу, барсука, шакала, дикого кота, куницу и кабана – все эти породы водятся в горах в достаточном количестве, а охота на кабана одна из самых распространенных среди населения Черноморской губернии. Гораздо в меньшем числе встречаются жвачные: тур, который живет высоко в горах, под ледниками (там же: горная индейка, куропатка и кавказский тетерев), олень, тоже на значительных высотах, а дикая коза, серна и горный баран попадают вообще в горных лесах. Прежде в большом числе водились зайцы, теперь их стало меньше.

Местных пород птиц не много: замечательно тихо и пустынно в горных лесах, когда нет ветра. Идете или едете – тишина, ни звука, ни свиста, ни чириканья... не то, что в наших русских лесах, особенно весной. Угрюмы, горды и пустынные леса побережья!

Впрочем, осенью и весной, при пролетах, появляется много всякой дичи: дикие гуси, утки, вальдшнепы и прочие, некоторое время держатся по речкам близ моря. Постоянные же обитатели побережья: орлы, соколы, совы, скворцы, дрозды, щеглы, горные жаворонки, сойки, козодои, удои, сизоворонки, горлицы, дикие голуби и иволги. Но, повторяю, птиц этих мало и редко их можно видеть. Прежде, во множестве водились фазаны, но теперь они считаются на побережье редкостью; очень много было охотников, верней истребителей, на эту благородную птицу, которую найти и отстрелить особенного искусства не требовалось, кроме того, в морозное время ее истребляли целыми сотнями.

Горные речки не богаты рыбой; форель, впрочем, встречается постоянно в сообществе маленьких рыб: плотвы, красноперки и прочих. В море, напротив, рыбы много, хотя ловить ее местные люди не умеют, этим промыслом занимаются приезжие из Малой Азии турки, прекрасные моряки и опытные рыболовы. Ловят кефаль, сельдь, скумбрию, камбалу, хамсу, белугу и осетра. Каждый вид рыбы ловится в разное время года; кроме того, весной турки стреляют дельфинов (морская свинья), жир которых, употребляемый для смазки машин, идет на продажу.

Из пресмыкающихся – несколько видов черепах, разнообразные ящерицы, ужи, желтобрюхи, гадюки, сколопендры и скорпионы. К сожалению, последние два вида встречаются очень часто в жилищах, особенно турлучных. В Геленджике очень много сколопендры.

Теперь перейду к виноградной культуре и виноделию.

Благородное растение виноград, растение странное. Почва, из которой кроме сорных трав и колючки не растет ничего, почти сухая, каменистая, дает чудные урожаи винограда, из которого получаются тонкие сорта вина.

Вина Новороссийского округа превосходны, сходны с французскими, они имеют свой характер и вкус.

Надо принять во внимание, что виноградная культура во Франции пережила столетия. За это время было сделано множество научных исследований и наблюдений. А мы, русские, только начинаем это сложное и мудреное дело и начинаем (даже начали) истинно по-русски, почти без системы и “на авось”. Мы еще не нашли этим винам сбыта, в России они неизвестны, между тем, их сорта, лафит и сотерн, ничем не хуже французских.

Русские потребители продолжают пить фальсифицированные иностранные вина, платя за бутылку по 1 руб. 50 коп. – 2 руб., когда такое же лучшее и натуральное вино имеют на родине, и которое можно получать за цену втрое дешевле! Поставьте на место русского немца или же англичанина, и я вам даю слово, что и тот и другой поступали бы как раз наоборот.

Верно, что мы до сих пор в плену у иностранцев! Еще в 1870 году производилось исследование черноморского виноделия и вот что мы читаем в докладе по этому поводу комиссии от 20 февраля упомянутого года: “Северо-восточное побережье Черного моря, самая большая часть которого входит в состав черноморского округа, представляет собой одну из лучших местностей в мире для разведения виноградников. Исследовав этот край в климатическом, почвенном и топографическом отношениях, нельзя не прийти к заключению, что он предназначен природой производить вино высоких качеств, и что это производство со временем будет одним из первостепенных источников богатства нового населения западного Кавказа”. Тогда, добавим мы от себя, когда культурой винограда и виноделием займется трудовое население побережья, а не случайные любители – дачники и чиновники.

Северо-восточное побережье Черного моря, – говорится далее в исследовании, – по удобству виноделия и по обширности своей предназначено сделать ненужным ввоз заграничного вина. Производство этого продукта в будущем в состоянии достигнуть таких размеров, что можно будет выступить на мировом рынке конкурентом Франции. Какой же сорт пригоден для этого края, мы не знаем (теперь уже известны из опытов сорта: сотерн, лафит, рислинг). Наука в этом отношении, конечно, может дать указания, но эти указания будут приблизительны, потому что один и тот же сорт, посаженный в двух различных местностях, имеющих, по-видимому, одинаковую почву, климат и местоположение, дает совершенно различные результаты. Науке не удалось уловить все те оттенки физических и химических свойств почвы, все те бесчисленные колебания климата и местоположения, которые имеют не редко решающее влияние на качество продукта. Что же касается этого края, то трудно отыскать в мире какую-нибудь, хотя бы несколько сходную, местность. Ни Бургундия, ни Шампань, ни Рейнская область, ни Венгрия, ни Кахетия, а тем более Крым не могут служить примером и образцом для полного подражания в нашем крае. Вот какой страстный доклад по поводу виноделия на побережье был в 1870 году.

Ну что ж, прошло более 30 лет, и какие получились результаты? И те, и другие, отвечу я: вина оказались действительно прекрасными, сорта их определились вполне, но виноградное дело и виноделие не окрепло и не стало на твердую почву. Впрочем, удельное ведомство организовало свое дело в Абрау, поблизости Новороссийска и сбывает свои вина вместе с другими, крымскими и кавказскими. Другого серьезного местного дела нет: маленькие виноделы работают понемногу, не только не соединяясь друг с другом в союзы, но ссорясь и не доверяя один другому. Куда сбывают свои вина? Неизвестно. Каждый гонится за тем, чтобы поскорей продать, нуждаясь в деньгах... Как, кому продать и под какой маркой выйдет его вино, он не интересуется особенно. Цены на одинаковые вина разные, что производит странное впечатление... Например, в Геленджике можно найти и плохие и очень хорошие вина из того же сорта винограда. Плохие, или посредственные вина сравнительно одинаковой цены, но вина хорошего качества продаются по разной цене: бутылка вина у одного владельца 80 коп, у другого – 40 коп. Что это значит? По моему мнению, это доказывает непрочность виноделия на побережье, несомненную спекуляцию и индифферентное отношение к делу. Один относится к делу честно, а другой спекулирует – вот в чем и разгадка. Товар с неустановленной прочной ценой на торговой бирже, товар не ходовой и не популярный.

Еще раз приходится развести руками и сказать: почему же виноделие и производство натурального хорошего вина, нашего русского, почему до сих пор находится в таком плачевном состоянии, когда, например, во Франции, Венгрии и др. виноделие дает огромный доход и частным лицам и государству? Почему?

Не потому ли, что мы бедны практическими знаниями, не настойчивы и не хотим стать настоящими интеллигентными работниками?!

Новороссийск и нрд-ост.

Возникновение города Новороссийска относится к недалекому времени 1838 года. Просуществовав сравнительно короткое время, город был упразднен указом Сената от 31 марта 1860 года. Вновь учрежден город в 1866 году и с тех пор начинается его постепенное развитие, как торгового порта и административного центра, вошедшего в состав Кубанской области и, наконец, с 1896 года как главного города Черноморской губернии.

Новороссийск город некрасивый, будто не dokonченный и растрепанный. Вообще, город “не славный и не древний”, хотя довольно живой, а летом суетливый и пыльный. Мостовые ужасные, даже хуже московских, по улицам иногда попадаются целые ямы и рытвины. Дома разного роста и плохой архитектуры, рядом с 3-х этажным каменным — одноэтажная убогая лачуга с кривыми воротами и повалившимся забором. Город производит впечатление бестолковости и неопрятности. Моря как бы нет, оно видно с окраины с горы, вся бухта занята пристанями, пароходами и всякими судами. На набережной почти постоянное движение и работа. Окрестные горы представляют крайне унылый и непривлекательный вид с их жалкой, сожженной растительностью. Одним словом, такой город, что хочется бежать, скорей расстаться с Новороссийском. Такое желание всякого, даже нетребовательного человека и желание весьма понятное... Конечно, в большей степени своей несимпатичной физиономией город обязан ужасному нрд-осту, борьба с которым немыслима.

Город Новороссийск состоит как бы из трех частей: около железнодорожной станции и дальше к берегу бухты расположились постройки Владикавказской железной дороги с ее замечательным элеватором, заводы, и затем пристань. На восточной стороне, так называемом французском городке — цементный завод и множество небольших домиков, окруженных кое-где неважной растительностью. Собственно город, расположен на горе, в западной части, ближе к открытому морю, но недалеко от бухты. Расстояние между центром города и железнодорожной станцией — три версты.

В Новороссийске, как губернском и портовом городе, имеются всякие казенные учреждения и коммерческие конторы, за исключением Окружного Суда и Казенной Палаты, которые находятся в Екатеринодаре. Множество кофеен непременно обратят внимание приезжего. Это чисто восточные заведения, в которых сидят люди в красных фесках с загорелыми лицами. Базар и главная Серебряковская улица, эти оживленные места являются торговым центром. На главной улице помещаются и лучшие гостиницы: “Морозова” и “Европейская” с дорогими, впрочем, номерами. В других многочисленных маленьких гостиницах, постоялых дворах, много дешевле, но грязнее и беспокойнее. Гостиница “Франция” находится близ железнодорожного вокзала. В центре города на Соборной площади расположен городской сад, в котором построен деревянный театр, где летом заезжими труппами даются драматические и другие представления.

Кроме цементного завода в Новороссийске имеется еще завод, тоже принадлежащий французской компании, по выработке из нефти минеральных масел. На берегу бухты построены помещения паровых и других агентств, также и механический завод.

Бухта, при которой находится город Новороссийск, называется Цемесская, от реки Цемес (вшивая), образующей, между прочим, в самом городе огромное болото, которое подходит своей светло-зеленой травой-осокой к самому морскому берегу. Глубокая и прекрасная бухта защищена солидным молом, благодаря которому возможно спокойно и удобно останавливаться и грузиться самым большим океанским пароходам. Дорого стоит этот порт, огромные затраты положены на устройство мола, пристаней и прочего, но принимая во внимание удобный фарватер, великолепную бухту, Новороссийск должен бы быть редким портовым городом, если-бы..., если-бы не норд-ост! Да, общее впечатление не в пользу города, но летом и осенью, несомненно, каждого поразит непрерывная, кипучая деятельность на пристанях и на судах, а также и оживление на набережной, где, между прочим, в грязной воде купаются рабочие и новороссийские обыватели, даже женщины.

Работа идет во всю: грузятся и разгружаются суда. Грязные, рваные рабочие разных наций везут, а больше на крепких спинах несут товары, их хриплые, надорванные голоса раздаются повсюду. Посмотрите на их истомленные, худые лица, на жилистые, заскорузлые руки – это все бурлаки поденные, грузовые рабочие, это необходимая армия рабочего пролетариата, армия, без которой не может прожить ни минуты этот богатый порт.

Пролетарии, собравшиеся из разных мест России, из Турции, из Греции и с Кавказа, дают жизнь и работу этим мертвым машинам, гордым океанским пароходам и пристаням и берегу с его пыльными улицами, утыканными

угловатым бульжником. Рабочая сила, необходимая, незаменимая... А что для этой силы имеется в городе, для нее, этой бесприютной, почти раздетой массы? Жалкие ночлежные приюты, грязь и теснота, печальные харчевни и кабаки, кабаки без конца...

Городская больница маленькая, чуть ли не на 25 кроватей (пристраивается 15) в таком-то городе, где жизнь каждого из тысячи рабочих ежеминутно подвергается опасности, я уже не говорю о болезнях, ибо Новороссийск – город, в котором лихорадка и тиф явления постоянные.

Одежда и теплое помещение новороссийским рабочим необходимы даже более, нежели рабочим других городов.

Почему? А потому, что норд-ост или бора – это безумная сила, сила, все сокрушающая, от которой нет спасения и защиты. На город Новороссийск этот ветер бросается с хребта Варада и падает прямо в бухту и на набережную, производя, впрочем, свои ужасные опустошения повсюду. Норд-ост – это вихрь, буря, ураган, дующий с одинаковой силой три дня, а то и шесть и двенадцать суток. Это нечто ужасное, необъяснимое... Когда говорят о норд-осте, то не скажут обыватели, что он дует, но “бросается”, “хватает”. Это правильно и образно: норд-ост несет порывами, как волны во время морской бури. Самый страшный норд-ост зимний, адски холодный ветер, леденящий, пронизывающий как никакой мороз в Архангельской губернии. Весенние и осенние норд-осты тоже холодные, сильные, но перед зимними куда безопаснее. Летний норд-ост – это жаркий сухой ветер-вихрь, несущий смерть всей растительности, он дует словно из раскаленной гигантской печи, он дует, и вянут листья и цветы, дует, и тяжело дышать и в сердце закрадывается тоска, уныние, а зимой страх и ужас. На нервного человека норд-ост действует прямо болезненно: ни сна, ни аппетита тогда нет, человек теряет надежду, и сама жизнь ему кажется тяжелой ношей, от которой нужно избавиться. Визг, вой, шум, треск, когда он срывает крыши с домов, валит телеграфные столбы, гонит и переворачивает, как игрушки, груженные вагоны, опрокидывает экипажи с лошадьми; когда из дома выйти нельзя, потому что грозит верная, если не смертельная опасность. Помилуйте, разве это не ужас для самого здорового человека? И неизвестно, когда кончится власть и сила этого ветра-зверя! Я вам расскажу о том, что сам испытал и что знаю, ручаясь за верность и точность.

В 1848 году в январе месяце в Новороссийске норд-ост принял огромные размеры. Он рвал и метал, как бешеный, сумасшедший. Валились заборы, крыши, вывески. Был мороз, и все леденело. Вода в бухте буквально кипела (недаром турки зовут Новороссийскую бухту холодной печью) как в котле, брызги поднимались высоко фонтаном и быстро леденели... Толстым слоем льда покрывались дома, близкие к морю, суда, стоящие в бухте и прочие.

В самой бухте царил ледяной, холодный ад. Матросы рубили, до изнеможения лед, рубили, а сами мерзли.

Тогда в бухте стояло несколько наших военных судов, из которых 12 января военный пароход “Струя”, обессиленный в борьбе с норд-остом, весь обледенелый, отяжелевший потонул в бухте, близ самого города, со всей командой и орудиями.

Этот факт занесен в летопись нашего морского флота. Подобный норд-ост, такой же силы и интенсивности, и тоже при морозе, был в Новороссийске и в его окрестностях, а также в Геленджике 5 декабря 1899 года.

Было более, нежели ужасно!..

Кипела холодными мерзнувшими брызгами бухта, ревел целую неделю норд-ост, и не было от него спасения.

С каждым днем бора становилась все свирепее. Уже были повалены почти все телефонные и телеграфные столбы, сорваны крыши. Покрывались толщей льда ближние к бухте постройки, представляя собой цепь домов, но какой фантастической и причудливой архитектуры! Это были не безвкусные нелепые здания Новороссийских жилищ и контор, нет – это были фантастические дворцы, сверкающие ярко на солнце. Какие-то волшебные удивительные дворцы, из которых ни выйти, ни войти невозможно: двери, окна – все было покрыто льдом, толщина которого с каждым порывом ветра увеличивалась.

Можете себе представить, как это было: жители, запертые в своих квартирах ледяным замком без пищи, без дров. Каково им было? Полиция принимала меры развозить провизию, но из этого ничего не вышло. А норд-ост ревел, клочкотала бухта, где стояло множество судов. Работали без устали матросы. Но бора все усиливалась, и вот при очередном ее порыве огромное судно Русского общества пароходства и торговли “Игорь” было выброшено на берег. На фотографическом снимке видно, какую форму ему придал норд-ост. Кроме того, обледенели и были сорваны с якорей французские суда “Servin” и “Cuga”. А несколько паровых катеров были выброшены на берег.

Какая изумительная сила!..

Ветер погнал по путям груженные хлебом вагоны, некоторые из них сорвал с рельсов и забил в песок, другие перевернул вверх колесами. Там же, в районе железной дороги, сплющил и сбросил с основания нефтяной резервуар в 150.000 пудов емкости.

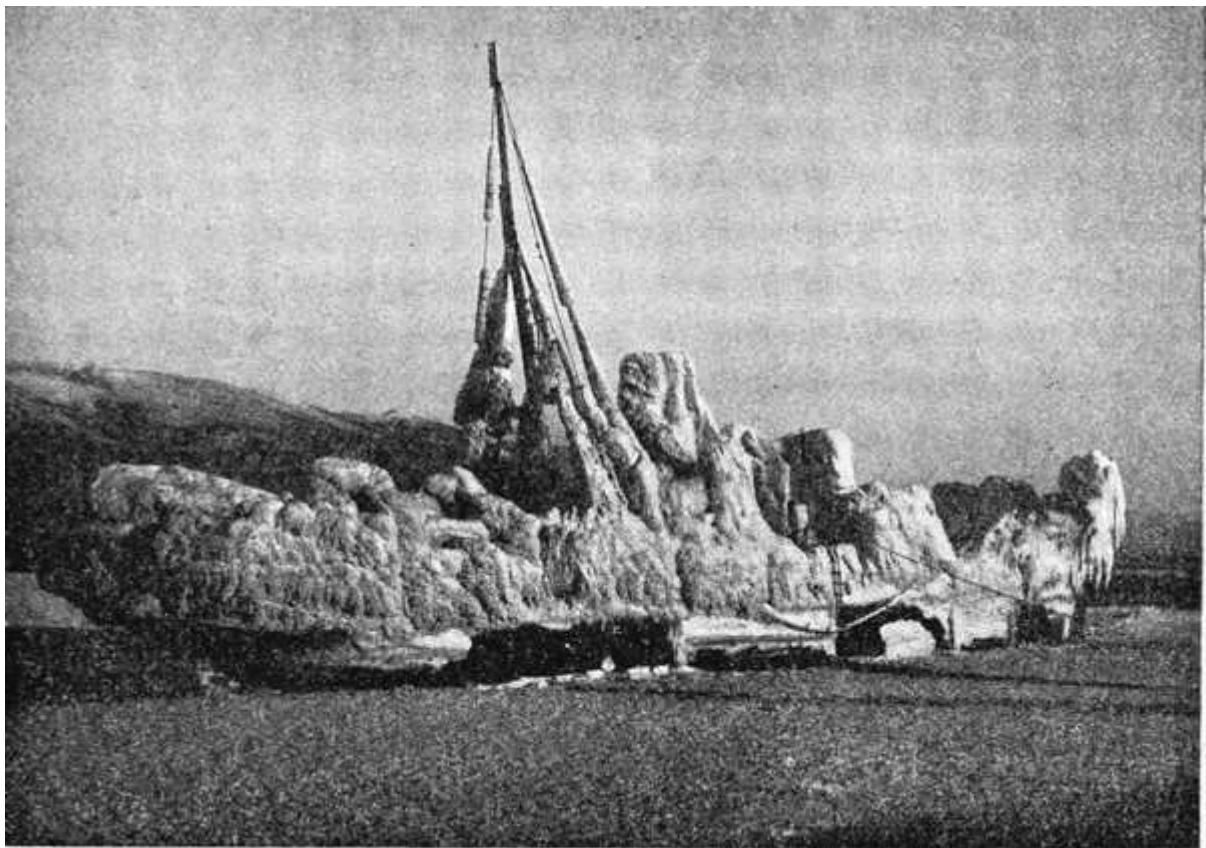
О других случаях проявления разрушительной силы норд-оста я не стану упоминать, расскажу, как мы ехали во время маленького норд-оста из Новороссийска в Геленджик 2 марта 1902 года. Было -2° при легком ветре.

– Как вы думаете? – спросил я хозяина гостиницы, – Можно ли ехать в Геленджик?

– Да. Четыре-пять часов езды.

– А норд-ост?..

– Небольшой... Какой это норд-ост! – И хозяин улыбнулся.

Впрочем, у меня было предчувствие и я запасся, на всякий случай, бутылкой коньяку, надеясь в то же время на широкий английский плед, который предохранит от маленького мороза. К тому же было утро, а в полдень, наверно, потеплеет, и мы прекрасно проедем 38 верст. Ослепительно светило солнце, ни тучки, ни облачка! Слегка позавтракав, мы уселись, и тройка двинулась. Меня немного удивил костюм кучера: наш возница был закутан с головы до ног и с кнутом сидел на козлах, как египетская мумия.

Проехали довольно быстро и оживленно вдоль бухты, поднялись на почтовую дорогу в гору, перед нами раскинулся фарватер бухты, а вдали виднелось синее море. Я приготовился наблюдать и наслаждаться живописными местами по дороге в зимней обстановке. В горах лежал снег, но около берега его не было, разве кое-где самая малость. В таком настроении, не озябнув, разговаривая и делясь впечатлениями, мы проехали версты три.

Но что это? Из ущелья на нас вдруг налетел ветер! Куда девались настроение, разговоры, мы молча покосились друг на друга. Да это он, неумолимый норд-ост, сухой и холодный, как сам холод.

С каждой верстой ветер усиливался, ударяя с необычайной силой сверху, с гор. Он обдавал сухим, холодным дыханием, проникая всюду. Мы зябли, потом коченели, болели от холода руки, ноги, ломило голову. Мы еще не проехали и десяти верст, как моя спутница изнемогла: с ней сделалась истерика. Мы кутались, как только могли, вытащили подушки и обложились ими. Но что наша слабая защита?! Если бы мы были в великолепных шубах, то норд-ост все равно пронял бы, проморозил насквозь! Это такая адская сила, перед которой меркнут наши северные тихие морозы?!

Порядочное время я прожил на севере Вятской губернии, знаю архангельскую зиму, но такого холода я не испытывал и при -30°C , а теперь всего было -2 или -3° . Заметьте, над вами голубое небо, рядом лазурное море и такой страшный, невероятный холодище!

Вся природа изменилась и стала такой бесстрастной, будто насмешливой. А ветер несея упругими, сильными порывами. Здесь по дороге он не выл и не визжал, как в городе, а шумел, как море во время бури. Само море было почти черного цвета, испещренное мелкими белыми гребешками. Кстати, во время норд-оста не бывает качки,

только трудно пристать к берегу. Норд-ост может запросто унести судно в открытое море. Бывали случаи, и притом ужасные, когда фелюги или погибали, или носились по морю долго, пока не встречали парохода.

Но дальше. Мы ехали, словно во сне, ошеломленные, загипнотизированные норд-остом. Лошади бежали будто испуганные, из-под кустов около дороги выскакивали к нам навстречу маленькие птички и скворцы. Бедные!.. Они искали у нас защиты!.. Много, очень много погибает их во время норд-оста, и не мудрено! Наш ямщик отморозил себе пальцы на руке... У нас была только одна мысль – доехать до станции.

Наконец, миновали 23 версты и остановились в почтовом дворе селения Кабардинка. Лошади были свободны, и можно было ехать тотчас, но мы решили ждать, чтобы отогреться. Страшно было пойти под ветер, так было сильно его впечатление. Мы так заоченели, что горячий чай и коньяк производили слабое действие.

Подумать только, еще 15 верст!

Солнце по-прежнему блестело на ярко-голубом небе, синело море, а ветер творил свое дело и победоносно торжествовал над теплом, светом, внося смуту в наши души и холодя до бесчувствия тело. Надо было, однако, трогаться и претерпеть все до конца!

Кабардинка расположена на открытом месте, у подножия широкого ущелья, где полный и вольный простор норд-осту. На этом сравнительно ровном месте версты в три, ветер дал почувствовать себя во всей своей свирепой силе. Здесь он слился в непрерывный ураган и ревел и несясь без задержки, затрудняя дыхание и заставляя болезненно сжиматься сердце.

Я не знаю, но тоска, унылая, тяжкая тоска охватила меня и мою спутницу. Мы были бессильны, и я одно время даже думал, что бешеный вихрь нас с экипажем и лошадьми закрутит и снесет прямо в море. Немного стихло, когда мы стали спускаться под гору. Лошади бежали сравнительно недурно, и скоро перед нами раскинулась Геленджикская бухта и берег со своими вычурными постройками на дачной стороне. Было около пяти часов дня, но по улицам села никого не было видно, даже собаки не встретили нас лаем. Суровый ветер уничтожил только что начавшиеся распускаться и цвести некоторые деревья, листики которых сжались и сморщились от холода.

Это был маленький норд-ост, читатель!

Элеватор. Культурные участки до Геленджика.

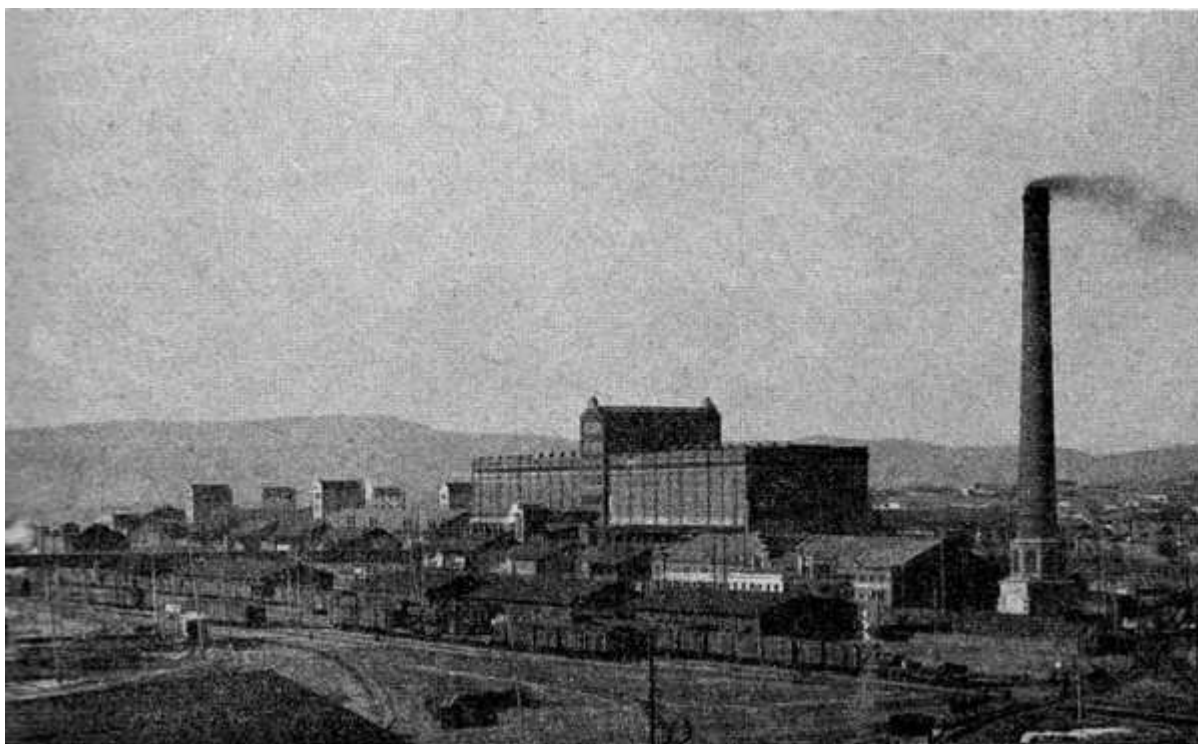
Новороссийский элеватор по своему устройству, величине и производительности занимает одно из первых мест в мире. Принадлежит элеватор Обществу Владикавказской железной дороги. Против вокзала возвышается это огромное девятиэтажное каменное здание с громадными зернохранилищами, с длинной эстакадой, как бы висящей в воздухе, для быстрой загрузки зерна на иностранные пароходы.

Искусство техники приспособило такое устройство, что зерно в своей массе, благодаря быстроте электрической силы, течет как жидкость, переходя из амбаров прямо в трюмы судов.

Крайне любопытное зрелище внутри элеватора во время работы представляет собой эта золотая река зерна, которая быстро несется перед глазами вверх, переходя из одного этажа в другой и, наконец, достигнув 6-го этажа, подвергается очистке и уже на 8-м этаже оно полностью очищено от пыли и примесей

Все это необыкновенно быстро, пунктуально и без задержки совершается посредством электричества. Условными знаками показывается, какое зернохранилище в действии, когда прекращается загрузка и прочее. Стройно, тихо происходит работа. Здесь, как на пристанях, нет ни шума, ни крика; едва заметно для слуха шуршание бесконечного ремня, по которому стремится и течет золотая река.

Всех рабочих при элеваторе только 60 человек. Погрузка на пароход лентой 10000 пудов пшеницы происходит в течение 1 часа 40 мин. Эти 10000 пудов вмещает в себя каждое зернохранилище, которых всего 382. Можете себе представить, какая масса может содержаться в элеваторе зерна, и какое количество может быть погружено в короткое время, когда можно одновременно грузить четыре парохода лентой и четыре – вагонетками. Точно также быстро происходит погрузка из вагонов, в каждом из которых обыкновенно содержится пшеницы 750 пудов.

Плата за хранение хлеба в зернохранилище – 25 руб. в месяц. Зернохранилище представляет собой глубокий шестигранный колодезь, который содержится в чистоте и опрятности, колодезь, недоступный ни мышам, ни всяким другим охотникам поживиться зерном пшеницы или другими сортами зернового продукта.

Взвешивание на восьмом этаже производится посредством восьми огромных весов, быстро работающих, отмечая по 200 пудов. Конечно, такой грандиозный элеватор привлек в Новороссийск заграничный экспорт хлеба.

Общество Владикавказской железной дороги открыло кредит хлеботорговцам, который выразился в 1896 году весьма почтенной цифрой – 3242792 руб. 29 коп. Кредитом воспользовались 796 лиц, под залог 5357677 пудов зерна.

В 1901 году выдано под залог хлеба ссуд на сумму 3 823758 руб., причем, на долю землевладельцев пришлось 271095 руб., скупщикам — 405767 руб., комиссионерам — 1526703 руб. и экспортерам 1621192 руб.

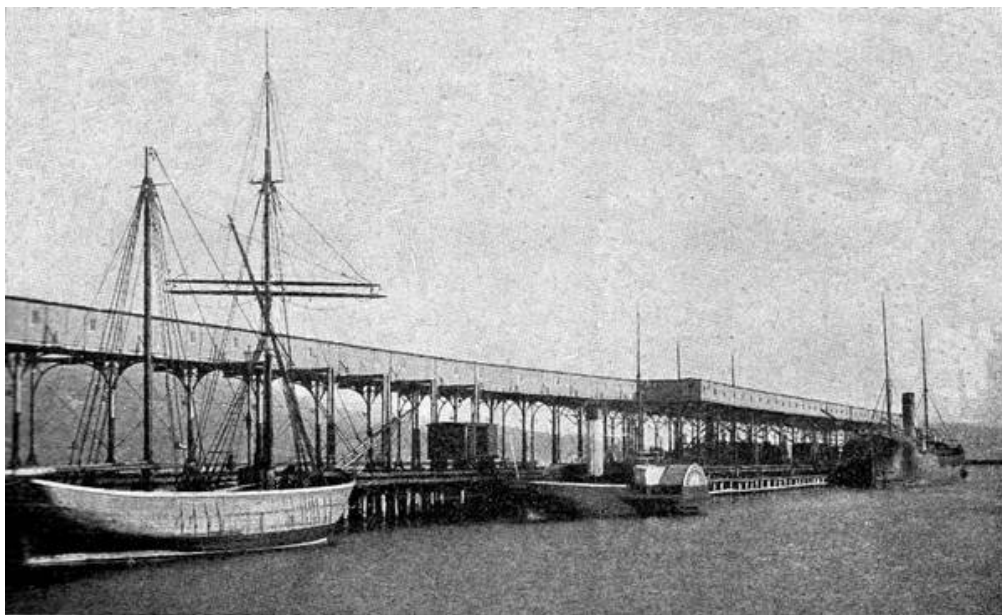
Заграничные экспортные фирмы содержат в Новороссийске своих агентов, например: “Луи Дрейфус и К*», “Жозеф Блок”, “Матиас Лауродо”, “Фон Стюрмер и К0” и многие другие. Наш русский хлеб из Новороссийска вывозится действительно в огромном количестве во многие государства. В 1897 году было вывезено: в Голландию – 3869309 пудов, во Францию – 3595036 пудов, в Италию – 3118060 пудов, в Англию – 2502567 пудов, в Данию – 986724 пудов, в Грецию – 968287 пудов, в Германию – 644836 пудов, в Испанию – 501107 пудов, в Румынию – 184463 пудов, в Турцию – 182759 пудов, в Австро-Венгрию – 50869 пудов, в Бельгию – 24850 пудов и в Гибралтар – 841010 пудов, а всего 17477299 пудов.

Конечно, больше всего уходит за границу пшеницы, а именно, в 1897 году через Новороссийск отправлено: 10353962 пуда, затем следуют зерновые продукты (как хлебные, так и масляничные) в таком порядке: лен – 3573725 пудов, причем Австро-Венгрия экспортировала только один этот материал, ячмень – 1092245 (Голландия,

Франция, Дания, Греция, Германия, Турция, Гибралтар), макуха – 1002732 пудов (Франция, Англия, Дания, Греция и Бельгия), кукуруза – 729672 пудов (Голландия, Франция, Англия, Греция и Испания), просо – 388584 пудов (Голландия, Франция, Англия, Греция, Германия, Испания, Румыния), горчица – 149488 пудов (Голландия, Франция, Англия), сурепка – 117299 пудов (Голландия, Франция, Англия, Дания, Бельгия и Гибралтар), рожь – 41113 пудов (Голландия и Греция), анис, гардан, рыжей – 16494 пудов (Голландия и Франция), суржа – 7957 пудов (Голландия), и меньше всего овса – 4040 пудов, который шел только во Францию.

Кроме хлеба – вывоз нефти тоже приспособлен Обществом Владикавказской дороги. В настоящее время Новороссийск располагает 20-ю резервуарами для нефти по 150000 пудов емкости в каждом и 10-ю резервуарами по 200000 пудов емкости; следовательно, всего на 5000000 пудов.

В последние годы, впрочем, вывоз нефти через Новороссийск уменьшился по причине спекуляции в городе Баку. Все эти резервуары посредством трубопроводов с особыми механическими качками соединены со специальной пристанью, предназначенной для загрузки нефтяных продуктов.

Вывоз табака в последние годы тоже уменьшился, как и производство его в Черноморской губернии, вследствие понижения скупщиками цен, а также по причине фальсификации, так как из табака худшего качества, и даже бракованного, современные фабрики производят дорогие сорта, идущие в потребление благодаря невежеству покупателей. Лишь бы табак был красиво нарезан и ароматен, а настоящий ли этот аромат, свойственный самому растению, покупателю до этого дела нет...

Разве благодаря фальсификации вина не испорчен вкус у потребителей и не нанесен ущерб сбыту и распространению действительно натуральных вин?!!

В 1901 году в Новороссийск заграничных пароходов приходило: английских – 187, греческих – 59, итальянских – 40, французских – 30, германских – 25, бельгийских – 14, русских (дальнего плавания) – 12, датских – 8, турецких – 7, норвежских – 6, австрийских – 5, голландских – 2, шведских – 1 и испанских – 1. Вывезено за границу на этих пароходах зерна – 36040510 пудов и нефти – 10701153 пуда.

Кроме того, в последнее время увеличился вывоз за границу дубовой клепки, для чего в 1901 году устроен специальный склад, через который прошло свыше 500000 пудов клепки, вывезенной в Алжир. Шерсть овцы тоже служит предметом вывоза за границу.

Ввоз в Новороссийск разных заграничных товаров в 1901 году выразился в цифре 1365000 пудов, причем увеличение ввоза нужно отнести к сельскохозяйственным орудиям и машинам из Америки, собственно из Филадельфии и Нью-Йорка.

Таким образом, определяется физиономия Новороссийска как торгового города с его лихорадочной кипучей деятельностью, со смешанным по характеру и национальностям населению.

Будущность Новороссийска была бы несомненной, если бы не ужасный и свирепый норд-ост, которого боятся и избегают даже привычные моряки.

От Новороссийска до Геленджика по берегу моря идут так называемые культурные участки, принадлежащие частным владельцам. Эти участки, разные по количеству земли, от 3-х до 10-ти десятин, плантажированы и засажены виноградом, ибо иная высшая культура, вследствие норд-оста, в этом месте прямо невозможна. Возделанные, засаженные, огороженные участки производят живое, хорошее впечатление, тем более что на каждом таком участке находятся жилые постройки.

Министерство Земледелия и Государственных Имуществ, ввиду заселения этого пустынного в сущности края, на основании выработанных условий, стало отводить казенные земли частным лицам на льготных условиях. Участок отводится в пользование для устройства дачи и разведения в нем виноградников, садов, тутовых рощ и прочего на пятилетний срок, с правом приобретения участка в собственность по истечении этого срока при выполнении всех условий.

Земля считается закультивированной, если четверть ее засажена указанными выше сортами благородных древесных и кустарных растений для Новороссийского округа, а в округах Туапсинском и Сочинском количество закультивированной земли выражается в половине всей площади, а если менее, то по соглашению владельцев участков с министерством. В контракте точно указано количество деревьев и кустарников каждой породы на десятине. Кроме того, на участке до пятилетнего срока должны быть возведены постройки, причем жилое помещение (каменное или деревянное) должно занимать не менее 12-ти кв. сажень, а надворные – не менее 4-х кв. сажень.

Если эти условия в течение пяти лет не будут исполнены в точности, то участок отбирается в казну. По выполнении же всех условий предоставляется право приобрести участок в собственность за цену, размер которой выясняется через помножение годовой платы за пользование участком на 20, причем плата, причитающаяся за время приобретения участка в собственность, в счет продажной цены не засчитывается. На приобретенный участок совершается на общем основании купчая крепость. Продажная цена по желанию приобретателя участка может быть рассрочена на 37 лет со взиманием за каждый год пяти процентов роста и одного процента погашения в сроки, определенные в купчей крепости.

Вот те условия, на которых приобретаются частными лицами участки земли на Кавказском побережье. Такие лица, несомненно, должны иметь некоторый капитал, ибо с пустыми, хотя и рабочими руками, к выполнению этих условий, само собой, приступить невозможно: надо плантажировать землю, строить жилище. Но какие средства нужны для обработки, хотя бы десятины?

Принимая во внимание, что культура выразится в винограде, плантаж должен быть глубиною не менее 5-ти четвертей, а выработка квадратной сажени такого плантажа стоит 50 коп. Работа эта дьявольски трудная и рабочая цена падать не станет, а, несомненно, имеет по весьма многим причинам тенденцию повышения. Итак, один только плантаж десятины будет стоить 1200 руб.; затем посадка, колья, уход и прочая постройка дома и служб на самый худой конец – не менее 2000 руб., а еще и огород, и другие расходы. Представьте себе, что нужно культивировать три десятины, в этом случае приступить к делу можно, имея тысяч около десяти в кармане или

рассчитывая на такие деньги в течение пяти срочных лет. В противном случае участок, не смотря на затраченный труд и капитал, переходит снова в казну.

Совершенно понятно поэтому, что большая часть культурных участков (если не все) принадлежат лицам состоятельным, которые смотрят на свои владения или как на дачи, или занимаются виноделием, для чего требуются опять-таки деньги и деньги, пока не начнется производство вина, которому нужно найти сбыт. Вот когда откроется в Новороссийске общая винодельня и склады вин, и когда образуется солидное Общество, которое под виноград будет выдавать ссуды, тогда и людям без капиталов можно будет существовать на культурных участках; но теперь это трудно.

Дороговизна культуры винограда в описываемом мною районе влияет на цену вина, которое вследствие своей высокой цены не выходит из мест производства, а если выходит, то продается торговыми фирмами под своим этикетом. Чтобы вина Черноморского берега Кавказа, действительно прекрасные вина, стали известны в России, необходимо пустить их по недорогой цене, рассчитывая на среднего потребителя и конкурируя с крымскими, кахетинскими и даже бессарабскими. Опять-таки для этого нужны люди и деньги, особенно люди предприимчивые, умные и честные. Жаль, очень жаль, что такое дело попадет, как и цемент, в руки иностранцев!..

Сколько нам, русским, стоило и крови, и золота, чтобы завоевать Кавказ!.. Сколько расходов и теперь несет государство при владении такой богатой страной!.. А кто пользуется доходами?

Иностранцы... Да, читатель, только они!

Имена Ротшильда, Нобеля, разве не подтверждают глубоко печального явления?.. Во Франко-русских компаниях тоже русского нет, да и французов мало!..

Русские играют разве что фиктивную роль, а нерусские наживают деньги!

А русские? Что же они делают на Кавказе? Разве не русские обработали хотя бы эти культурные участки от Новороссийска до Геленджика? Да, русские, – отвечаю я, и в заключение этой главы расскажу про этих русских.

Помните Некрасова:

“С Волхова, с матушки Волги, с Оки,

С разных концов государства великого

Это все братья твои мужики”...

Надо только заменить последнее слово “мужики” другим названием, а именно – “бурлаки”.

Многие это название целой армии особых рабочих связывают с “Волгой и бечевой” и думают, что бурлаки ушли в область предания с развитием пароходства и вообще культуры по Волге. Нет, могу вас уверить, что это неправда. Бурлаки со всеми особенностями их характера, их бесшабашной удалью, силой, адским терпением и выносливостью существуют и живут такими же артелями, как и на Волге, на юге, и, между прочим, на Кавказском побережье. Это они, бурлаки, обрабатывали культурные участки, на их долю на побережье достались самые трудные, тяжелые работы.

Бурлаки – не босяки. Их нельзя смешивать друг с другом. Босяк, продукт города, способен выдержать легкую работу, а земляная, да еще на такой почве, как кавказская, ему не по силам, да кроме того, несмотря на ужасные антисанитарные условия, он редко расстается с городом, продуктом которого он – больной и несчастный является. С городом, который его развратил, обезличил, но в котором он родился и от которого продолжает чего-то ждать, на что-то надеяться... Смердная конура, грязные ночлежные приюты, людная улица, какой-нибудь грязный кабак –

притон – вот среда, излюбленная и привычная босяку. Порой случайность и легкость заработка и постоянная болезненная мечта “стать на ноги”, сделавшись обеспеченным, солидным человеком, все это держит босяка в городе и он редко, и то только в летнее время, отправляется в путешествие.

Не то бурлак. Это – сын природы, крестьянин, оторванный по разным обстоятельствам от земли и “заболтавшийся” на стороне. Прежде хозяин и семьянин, бурлак ушел на сторону, да и заболтался. Страсть ли к вину, понравились ли воля степная или берег морской, а прошло, пролетело несколько лет, как ушел он из родной, но постылой деревни, ушел да и пропал, словно умер. Ему перестали и паспорт высылать, и он перестал давать о себе вести, думая: “Вот-вот накоплю, заработаю побольше денег, вернусь и займусь хозяйством”. Другой ушел тоже давно, но связи с деревней, с семьей не потерял. Этот всегда при паспорте и высылает по два, а то и по три раза в год деньги домой. Этот другой рассчитывает скоро вернуться и сесть на свою землю, на свой надел. Третий шел домой, совсем шел, да набрел на больно хорошую дружную артель и остался... Еще бы!.. С такими товарищами как не разделить горе и радость!.. Своя то землишка в лес не уйдет, да плохо довольно родит, да и мало ее совсем, “курицу выпустить и то некуда!” Вот из таких крестьян-земледельцев, “заболтавшихся” на стороне, и образуется артель бурлацкая.

Конечно, между членами таких артелей имеются и работают бездомные и безземельные, и просто люди “Бог весть какие”, но работают так, как только может работать истинно русский человек. Ни холод, ни голод ему нипочем: под дождем, в грязи, одетый в какие-то пестрые лохмотья, сильной, привычной рукой копает и рубит он каменистую почву. Большие каменные глыбы (дикарь) появляются на поверхности плантажа, обработка которого идет быстро, правильно. То заступ, то кирка попеременно идут в дело. Трудная, очень трудная такая работа, на которой некоторые молодцы зарабатывают до двух рублей в день, а, в общем, обыкновенный работник плантажирует 2,5 или около 3-х кв. саженей, так что средний заработок землекопа-бурлака можно считать в день до 1 руб. 50 коп.

Дружно работают и дружно живут бурлаки, блюдя свою честь и достоинство. Да и нельзя им жить иначе, как строго сохраняя свою репутацию. В самом деле, между ними и беспаспортные, и вообще люди, которых строгая администрация всегда найдет причину беспокоить. Ни грабежей, ни воровства бурлаки никогда себе не позволят, это, безусловно, честный и трудовой народ. Правда, народ с широкой натурой, беззаветной удалью, народ, любящий погулять, разбросать тяжким трудом заработанные деньги.

Много фактов о разгуле и о характере бурлаков я слышал и наблюдал. Расскажу некоторые.

Вот отработал и получил расчет бурлак. Надо отдохнуть и погулять. С зажатыми в мускулистой руке деньгами идет он в лавку и одевается заново... Какой молодец и франт!.. Все новое: и сапоги, и пиджак, и фуражка!.. В зеркало даже посмотрелся и не узнал себя бурлак!.. Но это было недолгое любованье: закрутил, загулял с товарищами и через два дня опять в лохмотьях, опять за работу. И не жалеет человек денег, а вспоминает только гульбу.

Мне рассказывали, как разгулявшиеся в Новороссийске бурлаки наняли все фазтоны и были страшно довольны, когда какой-нибудь барин звал извозчика и этот последний говорил: “Занят”... Барин ходил по пыльным улицам пешком, а бурлаки заседали в фазтонах, да еще и пустые экипажи ехали за ними... А то наменяет денег на мелочь, идет да и бросает в народ... Другой еще лучше – нацепил деньги на бечеву и тащит за собой... Смотрите, мол, плевать я хочу на ваши деньги, не в них сила, а в другом... Характерно, хотя и наивно!..

Еще случай. Одному бурлаку необходимо было отправить порядочную сумму денег домой жене и выправить паспорт. Почти два месяца работал без устали и заработал еще с излишком, но... на другой день загулял и все до копейки в короткое время ухнул. Когда очнулся и пришел в себя, то сказал: “Что же я наделал?” И стал работать так, что даже самые сильные, выносливые бурлаки и те дивились, и не напрасно: человек отдыхал два часа в сутки и копал, копал каменистую землю. Откуда только сил хватило, но через две недели заработал нужную сумму и отправил жене.

Не мало, впрочем, и эксплуатируют эту живую рабочую силу и эксплуатируют владельцы виноградников.

Бывает так, что весь заработок остается у виноделов. В Геленджике постоянные жители могут указать на некоторых, которые деньгами с бурлаками редко расплачиваются, а рассчитываются своим плохим вином, которое ставят им по “безбожной” цене.

Система расплаты бывает и такая: хозяин гарантирует бурлакам кредит в лавках съестных и мануфактурных продуктов... Пойдут бурлаки в местечко, купят того и другого: оденутся, поедят, а выпить после тяжелой работы хочется... Выпили бы водки, да денег нет. Придут на место работ и спросят питье (дешевое, фабрикованное вино), выпьют немного, опьянеют и кто-нибудь из них скажет: “Что ж мы, братцы, этакую дрянь пьем, что же мы не люди, что ли? Давай хорошего, настоящего вина!..”

– Давай, – кричат голоса, – хорошего, живо!

Приказчик рад исполнить требование выгодное для хозяина... И пьют, гуляют бурлаки, а при расчете получают гроши!

Да, бурлакам обязано Кавказское черноморское побережье. Много пота, кровавого пота пролили они в тех местах, где теперь так красиво толпятся кусты винограда, высится изящной или аляповатой архитектуры домик и любуется будущим урожаем культурный хозяин культурного участка.

А внизу по пыльной дороге, мимо изгородей, идут черные от жары, усталые два бурлака.

– Иван, а ведь это наша работа! Помнишь?!

– Еще бы нет!.. Савелий тогда был в артели!..

– Много вина будет ныне! – отвечает товарищ, и оба воспаленными глазами смотрят на свою работу, а в горле пересохло, пусто в желудке, до города далеко и работы нет.

Трудное время... Шагают вперед и вперед бурлаки.

Геленджик.

Геленджик происходит от турецкого слова, что означает маленькая невеста. Это село или станица, как называют его местные жители, находится в 38 верстах к югу от Новороссийска и расположено полукругом по берегу красивой и большой бухты в форме кошель.

Окрестности Геленджика не представляют ничего особенного ни по своему расположению, ни по своей живописности. Скорее угрюмая, нежели привлекательная местность. Невысокие горы с сероватым колоритом и бедной растительностью окружают бухту, отступая от берега, где на версту, а где более. Вот на этом пространстве и помещается село, дачные постройки и цементный завод франко-русской акционерной компании. На северном мысу бухты и вдоль берега открытого моря находятся культурные участки, занятые виноградниками.

Культура плодовых, фруктовых деревьев невозможна, вследствие сильного норд-оста, к сожалению, свирепствующего в этой местности как и в Новороссийске.

Село расположилось на южном берегу бухты. Постройки его разбросаны, не тесны, некоторые окружены растительностью довольно жалкого вида; впрочем, попадаются кое-где фруктовые деревья и даже пирамидальные тополя; эти деревья растут в низинах, где норд-ост «не берет» сильно.

Небольшая церковь близ моря построена на площади против двухклассного мужского училища – прекрасного здания, где много света и простора, позади церкви тоже красивая постройка сельского правления. Все постройки, кроме церкви, каменные оштукатуренные.

Близ этой площади извозчичья биржа, пристань еже дневно приходящего летом из Новороссийска катера, и контора Русского общества пароходства и торговли, пароходы которого приходят дважды в неделю из Одессы и дважды из Батуми.

Кроме морского сообщения с Геленджиком, имеется и сухопутное по прекрасному “голодному” шоссе (построено в 1891 году в голодный год генералом Анненковым), и которое начинается в 38 верстах отсюда у главного города Черноморской губернии Новороссийска. Переходя к краткому описанию станицы, я должен упомянуть о множестве мелочных лавок и пекарен с товарами, забракованными в центрах: мука и папиросы, чай и керосин, картофель и конфеты, лампы и брюки, табак и ветчина, все это можно приобрести почти в каждом торговом заведении Геленджика.

Итак, торговля процветает. В Геленджике торгуют все: и чиновники, и дачевладельцы, и агенты, и старые, и малые... Кто же этот несчастный покупатель? Конечно курсовой, приехавший на морское купание. Разумеется, для него понастроены, понаделаны всякие ловушки и капканы, и он здесь желанный зверь и добыча.

Имеется аптека, аптекарский магазин, трактир, две гостиницы, две турецких кофейни, “монополь”, три торговли местными винами и базарная площадь, на которой почему-то помещается женское начальное училище, вероятно, чтобы с детства приучить женский пол к хозяйственным манипуляциям. К услугам курсовых и сапожники, и портные, и парикмахер,

Вот и все, прибавив сюда почтовую контору и санаторий доктора S., у которого на полном пансионе за 100 рублей в месяц каждому не возбраняется пожить, покупаться и познакомиться с норд-остом, во время которого зимой, весной и осенью, если вы нервный человек, то рискуете сойти с ума, пустить себе пулю в лоб. Боже!.. что за ужасный, гнетущий этот ветер!..

– Как себя чувствуете? – спрашивает меня после пятидневного норд-оста местный обыватель. Я затрудняюсь ответить.

– У меня, – продолжает он, – не нервы, а веревки, но и меня тронул, места не могу найти, сна никакого...

Да, сон бежит от вас и вы невольно по целым ночам прислушиваетесь к этому стону, визжанию, к этому нестерпимому хору отвратительных, щемающих сердце звуков... Жутко, тяжело! Не угодно ли больному проживать в санатории?!..

Может ли при таком “ироде” выдержать какая-либо культура, когда дуб, могучий дуб, морщится и свертывается в три погибели?

– У нас норд-ост берет меньше, нежели в Новороссийске, – говорит в ваше утешение геленджикский житель, – там и крыши снимает, и телеграфные столбы, как прутки сухие, сшибает, там и экипажи с людьми и лошадьми переворачивает, а у нас – слава Богу!

Не угодно ли?!

Крепкая колючка держидерево – характерная флора Геленджика, это родное дитя норд-оста. Еще не боится его виноград, это благородное и вместе с тем странное растение по неразборчивости почвы. Виноград здесь великолепный и вина прекрасные, во всяком случае, лучше крымских, могу указать на такие сорта как сотерн и лафит.

Норд-ост для винограда не вреден, если не полезен; он пользуется исключительной любовью виноделов, безбоязненно совершающих свои операции при норд-осте, но никогда во время “моряка” (южный ветер с моря).

«Северо-восточное побережье Черного моря представляет собой одну из лучших в мире местностей для разведения виноградников... Этот край предназначен природой производить вино высоких качеств». (Из рапорта агронома по исследованию виноделия от 20-го февраля 1870 года).

Со своей стороны повторяю: прекрасные, тонкие вина!.. Может быть, норд-ост играет при этом большую роль своею сухостью. Благодаря этому же норд-осту Геленджик обладает сухим воздухом. Лихорадки здесь, конечно, имеются, и особенно осенью и зимой, но не в такой степени, как на юге.

Вообще, если бы не было такого сильного норд-оста, то был бы Геленджик недурным местечком.

Теперь перейдем к населению и истории этого морского местечка. Геленджикская община смешанная и состоит из русских и греков с преобладанием первых: русских – 776, греков – 92, еще 7 поляков и 5 немцев – душ обоого пола. А всего в селении около 300 дворов.

Заселение Геленджика русскими относится к 1864 году, когда берега бухты заняли прибывшие из-за Кубани казацкие семьи ныне упраздненного Шапсугского батальона. Эти шапсугцы составляют теперь коренное население 12 станиц Черноморской губернии.

Шапсугские поселенцы были наделены землей по 20 десятин на каждую наличную мужскую душу (душ, рожденных по 1870 год) и по 10 десятин потомственных участков на поселенца-охотника. Шапсугцы получали солдатский паек в течение трех лет, затем, по их просьбе, паек продолжали выдавать еще и четвертый год.

Новые поселенцы, живя на казенных харчах, к хозяйственной организации не спешили приступать.

Черкесы оставили прекрасные сады близ Геленджика в горных ущельях, но шапсугцы ими не воспользовались, да и не умели, вероятно, обращаться с культурными деревьями. Часть садов порубили, а оставшиеся – одичали и пошли на корм кабанам и медведям.

Неохотно приступали поселенцы к работам, как рассказывали мне старожилы.

– Не родит земля, – отвечали они начальству, требуя паек. Начальство решило само убедиться и потребовало, чтобы на его глазах была посеяна пшеница.

Тогда поселенцы обнаружили остроумие: они обварили семена кипятком и посеяли. Пшеница, разумеется, не родилась, тем не менее, паек прекратился, и остроумные люди должны были приняться за плуги.

Положим, в этой местности, по случаю сухого климата, урожаи посредственные, и то в низинах. Повыше посеянный хлеб или сгорает, или сносится норд-остом. Нынешнюю весну я сам видел десятины две прекрасно взошедшей пшеницы, которую норд-ост всю, без остатка, снес в море, и на месте красивого зеленого поля на берегу осталось поле бурой земли.

Разговорился я со старым поселенцем.

– Дикое место тогда было, – рассказывал он, – дорог кроме горных черкесских, не было, сообщались с Новороссийском по морю фелюгами. Выдано нам было на семью по 140 рублей на подъем, у кого свои деньги были... ничего – жить можно было... Черкесы тогда еще проживали, дешево у них все было, а скот, когда уходили, нипочем продавали. Сады, хорошие сады были у черкесов.

– Где же они теперь?..

– Пропали, одичали.

– А греки когда поселились?

– Года через два после нашего устройства, пришли из Турции. Смотрим, однажды на берегу народ неизвестный, священник вроде нашего попа с ними, что-то лопочет непонятное... Фелюги ушли, а они остались; начальство разъяснило нам, что люди эти с нами жить будут. Нам что ж? Земли много, да и нам веселее.

– А много вас было в Геленджике?

– Семей сорок было... После греков стали принимать русских из Полтавской, Екатеринославской, Черниговской губерний, хохлов, которые начали тоже селиться и стали называть станицу Зеленчук.

Поселенцы из русских губерний, или новожилов, как их называют старожилов, поселены были на других условиях землевладения, а именно: получили в надел на каждый двор по 30 десятин. Земли были не размежеваны, не устроены, работали там, где кто хотел, и старый, и новый поселенец.

Таким образом, составила разнохарактерная община и по национальности и по землевладению: душевому и подворному. Такое поземельное устройство не обещало особых благ в будущем, в чем и приходится убедиться в настоящее время при вопросе об отделении старожилов от новожилов. Вопрос этот весьма существенный, а неопределенное земельное положение крестьян Черноморской губернии, несомненно, весьма вредно влияет на прогресс и культуру крестьянского хозяйства.

Но как произвести раздел, когда отдельные хозяйства новожилов и старожилов смежны, и когда те и другие поженились и перероднились?

Поселение крестьян на Черноморском побережье производилось ранее без системы. Менялось управление, край переходил из ведения одного ведомства в другое, и в результате получилась какая-то земельная каша, которую теперь приходится расхлебывать.

На этом земельном неустройстве возникло любопытное явление, явление, привлекавшее в Геленджик спекулянтов, аферистов и дачников, явление, вредным образом отразившееся на условиях жизни крестьян и еще больше спутавшее их понятие о земельном праве.

Я имею в виду “планы”, крохотные земельные участки в 500 квадратных сажень, которые в настоящее время продаются, перепродаются, понижаются, а больше повышаются в ценах, составляя предмет самой беззастенчивой и наглой спекуляции.

К чести крестьян надо сказать, что в спекуляциях они почти не участвуют, кроме некоторых комиссионеров – жалких крестьян, не могущих работать и хозяйствовать.

В почтовой конторе, в аптекарском магазине, на фонарном столбе, на извозничьей бирже, вывешены объявления о продаже планов. Кто же эти продавцы и перекупщики? Чиновники, разные мелкие коммерсанты и лица из Ростова и Екатеринодара, вообще лица, желающие получить на свой капитал 200, 300 процентов барыша.

Каким образом?!

Сейчас я объясню эту, в сущности, нехитрую механику, относящуюся к оживлению и развитию курортной жизни на Черноморском побережье, также и в Геленджике.

Восточный, самый красивый берег бухты, принадлежащий геленджикской общине не был заселен, представляя собой плотные рощи колючек, которые впрочем, и теперь доминируют над растительностью “бульвара приморского”.

Когда в 1891 году прошло через Геленджик шоссе, когда, благодаря богатству в горах цемента, на северо-восточной стороне бухты начал строиться цементный завод франко-русской компании, тогда «деловые» люди обратили внимание на красивый и незаселенный восточный берег.

Геленджикская община тогда была бедная и доходов (оброчных статей) никаких не имела.

„Деловые” люди говорят крестьянам: “Сколько у вас там на берегу гуляет земли, дайте нам в аренду, мы будем платить посаженно, построим домики, будем жить, придут другие, тоже “хорошие” люди, и всем будет хорошо, а вам выгодно, потому что у нас деньги, а у вас шиши.”

“Деловые” люди были правы, и крестьяне постановили обществом сдать им в арендное пользование некоторые участки, близкие к морю. “Хорошие” люди построились, немного пожили, да и продали и землю, и домики за хорошие деньги другим людям, т.е. уступили арендное пользование за деньги, получив оное от крестьян бесплатно.

Узнали об этом крестьяне и по обыкновению, зачесали в затылках. А “хорошие” люди приезжали да приезжали, желая тоже быть полезными крестьянам, которые узнали, что участки, получившие название планов, можно не только сдавать в аренду, но и продавать (это общественную землю-то!).

Собрали сход, постановили сдавать мирскую землю участками по 500 квадратных сажень, решив каждому общиннику отрезать по три плана. Начальство утвердило постановление схода, и “тогда пошла писать губерния”.

Пригласили землемера, который разбил планы на квадраты, по десяти планов в каждом; поставил места для улиц, переулков, словом распланировал целый городок, захватив лучшие приморские места южной части бухты. Землемер сделал свое дело и получил кроме денежной мзды от благодарных крестьян еще плановый участок.

Все было хорошо. Теперь, пожалуйста, самые лучшие свежие планы!.. И пожаловали... Вот тогда и поехали аферисты и перекупщики. К тому времени, к 1894 году, и относится возникновение особого рода спекулятивной “плановой биржи”, этого любопытного и вместе с тем безнравственного явления в Геленджике.

“Планов” было много, крестьяне в деньгах нуждались и при том ценности “планам” не придавали. Плановое, заросшее колючками место – что в нем?! Оно не родит ни жита, ни пшеницы, да и скоту ходить по колючкам трудно, да и травы почти нет на сухом, каменистом берегу. Виноградниками (а здесь могли бы быть чудные виноградники) крестьяне не занимались, не были знакомы с его культурой, да и средств на это дело у них не было, а о будущем курорте, конечно, и помыслить не могли.

Некоторые даже удивлялись и смеялись над панами, которым понадобилась земля с колючкой, когда подальше от моря, туда, в горы, добрые земли, на которых богато растут и травы и хлеба.

Но “деловые” люди знали, что делали. Они покупали да покупали: “планы” шли по 25, 40 и редко по 50 руб., а кое-кто покупал и дешевле: мне показывали прекрасное теперь культивированное и застроенное место, приобретенное, кажется, за ведро водки.

Какая же была техника продажи? Где производилась сделка и совершилась купчая?!

Разумеется, ни один нотариус не мог быть посредником в продаже участков мирской земли, все сделки совершались в сельском правлении и вносились в имеющиеся там книги.

С тех самых пор, когда у крестьян были скуплены, если не все, то, по крайней мере, все лучшие, близкие к морю “планы”, и начался сперва медленный, а потом быстрый рост “плановых” ценностей. Они покупались и перепродавались, переходили из одних рук в другие. Люди волновались, интриговали, выжидали, высматривали, одним словом пускали в ход всякие приемы, лишь бы купить дешево и продать дорого.

Тихое непосредственное местечко преобразилось и стало неузнаваемо. Летом стало наезжать много людей, одни пожить и покупаться, другие по “деловой части”. Эти последние строили дачи, спешили и, не достраивая, продавали с огромной выгодой, а затем покупали новые планы и приступали к еще более хитрым постройкам. Появились дачи с башенками, с удивительными балкончиками, нелепыми террасами, но ни одного красивого удобного здания. Во всех этих постройках, всякий поверхностный наблюдатель может видеть бесхозяйственность и спешку построек.

Издали и хорошо, и красиво, а познакомьтесь с внутренностью и вы тотчас поймете, что дом выстроен не для того, чтобы жить, а чтобы продать.

К тому времени относится возникновение санатория и многих мелких промышленных и торговых заведений. Геленджик шел по пути городского культурного развития.

Восточный берег бухты стал неузнаваем, он весь покрылся пестрыми постройками домиков и дач на плановых участках. Местные культуртрегеры, занявшиеся постройками, перестройками и перепродажами участков в тесном сообществе с чиновниками, поставили вопрос о переходе села Геленджик в посад с целью, конечно, полного отчуждения крестьянских земель и продолжения спекуляции этими землями в новых посадских условиях. Ибо цены за планы в настоящее время искусственно “деловые” люди довели прямо до ужасающих сумм.

План, стоивший в 1894 году 50 руб. теперь, и то с трудом, можно купить за 3000 рублей... Цены 40 – 50 рублей отошли в область далекого предания. Не верится, что существовали такие цены. Помилуйте!..

Недавно осматривая случайно отдаленный от моря «план», на твердой каменистой почве которого не вырастить деревца, план с какими-то буграми, ямами, я спросил его цену.

– Тысяча рублей, – отвечал мрачный человек хищного вида – хозяин этого «чудного уголка».

– Значит, десятina такой прелестной земли, – сказал я, – стоит четыре с половиной тысячи?!..

Хищник был, видимо, поражен и молчал. Потом крикнул лишь вслед: “Говорите вашу цену, можно уступить”...

В самом деле, если «план» продается за 2000 – 3000 рублей (500 кв. сажений), то какая же выходит цена десятины? 10000 рублей!!!.. Вот до чего довела спекуляция!..

Рядом Министерство Земледелия отдает в полную собственность и еще с рассрочкой платежа десятину земли несравненно лучшей, нежели под плановыми местами – за 100 руб., частные землевладельцы продают десятину прекрасной и удобной земли по 700 руб., а аферисты по 15000 руб. – еще сомнительной и только арендованной земли!

Меня прямо удивляет, как могло это произойти. Странно, в России так много начальства и всякого надзора, а когда надзор этот нужен, когда спекуляция дошла до точки, и когда вред ее безусловный, тогда... тогда действуйте, милые «деловые» люди, набивайте себе карманы!..

А деморализация крестьян, еще не устроенных в земельном отношении?! Разве это не важное обстоятельство...

Кавказское побережье – край, еще не исследованный, край будущего, еще неизвестно, какого будущего. Ни земельных оценок, ни статистических исследований не было, а спекуляция земельная царит по всему побережью. Разве искусственное поднятие цен приведет к добру? Поможет культурным целям? Разве дачники, все мысли которых направлены к тому, чтобы создать ротонду и бульвар, где бы играл оркестр музыки, и где они могут показать свои костюмы и обменяться свежими сплетнями, разве это элемент нужный и полезный?! Это сор и накупь культуры и больше ничего, хоть они и называют себя «интеллигенцией», но читатель, конечно, знает настоящую интеллигенцию, трудовую, не спекулирующую.

Не для них Кавказское побережье, а для людей труда, и труда упорного, долгого, тяжелого, ибо здесь все упорно – и земля, и скалы, и горы, и культура, которая может вознаградить, но ждать этого нужно терпеливо. И это, не угодно ли?

Перед окнами моей квартиры возвышается вычурный, с балкончиками дом, принадлежащий некоей особе. Дом, конечно, сдается порознь и весь. Хозяйка где-то помещается на задворках, что здесь в порядке вещей, среди «деловых людей». Этот домик – уже третий. Первый был выстроен на приобретенном плане и продан за хорошую цену. Куплен другой план и выстроен другой дом и продан... Теперь третий дом, большой, построен на чистый доход от первых двух, а капитал цел, и это в два года нажить 200%. Довольно, однако, фактов из области спекуляции, хотя, это самое современное, совершенно терпимое здесь явление.

Мне жаль Геленджик как курорт и место летнего отдыха небогатой трудящейся интеллигенции, той интеллигенции, которая, намаявшись и уставши за зиму, имеет некоторое право на отдых.

Для людей со средствами к услугам южный берег Крыма, с его дорогими гостиницами и всяким комфортом, Сочи и другие места. Но чтобы пожить дешево на берегу моря, подышать свежим воздухом, покупаться и, хотя бы на время избавиться от мелочных неприятностей, такого места нет.

Был Геленджик, но теперь этот Геленджик дорогой и беспокойный для лиц с небольшими средствами. Квартиры на культурной стороне дороги, жизненные продукты, вследствие общего спекулятивного характера жизни, вздорожали: фунт баранины стоит 15 коп., молоко снятое 8 коп. бутылка, сливочное масло 60 коп. фунт и т. д. – все петербургские цены.

Прежде, «до спекуляции», было все втрое дешевле. Прежде прожить на 25 руб. в месяц, имея комнату в крестьянской хате, было совершенно возможно, но теперь и крестьянин во всем дорожится, видя, как поступают «деловые люди».

Ко всему этому отношение к квартирантам на культурной или дачной стороне самое возмутительное. Культурный квартиродержатель, подписав условие, не соблюдает его, не обращает никакого внимания и, взяв половину платы за квартиру (за сезон), хладнокровно говорит: «Не нравится – так уходите!»...

Ну, что вы поделаете?.. Судиться ехать в Новороссийск, где пребывает судья? Подумайте, ведь вы приехали отдохнуть и полечиться!.. С крестьянами, конечно, таких недоразумений не может быть, их, во всяком случае, разрешит сельское правление.

Таким образом, складывается, в сущности, шаблонный курорт со всеми особенностями, неудобствами, а главное ненормальными отношениями между приезжими и квартиросодержателями.

А было не то до поселения в Геленджике культурных хищников. Была деревня, куда приезжала небогатая трудовая интеллигенция, без претензий на какой-либо внешний комфорт. Эта интеллигенция, довольная волей, простором гор и моря, не обращала внимания на неудобства и ютилась по крестьянским хатам. И была довольна, благо дешево и просто...

Но... «налетели злые коршуны, набежали поляки»... И началось другое, нудное и сложное... и простой, дешевый курорт направился по проторенной дорожке дороговизны и искусственного вздорожания. Теперь бедняк не поедет отдыхать в Геленджик. Кстати, село Геленджик переходит в посад. Кому этот переход нужен? Не крестьянам, конечно, а людям, желающим развития курорта, лицам, купившим «планы» (арендовавшим крестьянские участки) и страстно желающим получить оные в свою полную собственность.

Если посад вместо села – дело решенное, то место ли для этого Геленджик, близкий к Новороссийску? Мне кажется, что в административном, врачебном и других отношениях, нужно выбрать для центра с врачебным пунктом другой пункт посреди Новороссийска и Туапсе. И такой пункт имеется на берегу моря в 100 верстах от Новороссийска и в 90 верстах от Туапсе – большое селение Архипо-Осиповка.

Повторяю, если правительство не остановится перед большими затратами, чтобы село обратить в посад (хотя собственно нужды в этом нет), то, по крайней мере, следует сообразоваться с местными нуждами края, а не с алчными аппетитами сомнительных пришельцев.

Представьте себе больных в Архипо-Осиповке и окрестностях. Медицинская помощь – в 100 или 90 верстах.

Но перехожу к Геленджику.

Северо-восточная часть бухты занята цементным заводом акционерной компании. Завод находится на арендованной у крестьян земле и состоит в синдикате с другими цементными заводами в Новороссийске.

Прежде дела этого завода шли хорошо, теперь не особенно.

Интересен вид жилищ рабочих – этих жалких землянок, конур, вырытых по оврагам... Боже! Что это такое? Для видимости, а, может быть, для насмешки построено 4 или 5 каменных коттеджей, но большинство землянки.

Мне говорили, что это хорошо теперь, а прежде рабочие спали просто в кустах колючки. В самом деле, тепло – юг и Кавказ!

На самом берегу бухты малюсенький домик с электрическим освещением и шестью кроватями: это больница, такая чистенькая, прибранная, точь-в-точь курсовая барышня, вышедшая на вечернюю прогулку на бульвар, где гремит или будет греметь музыка.

Цементные залежи не в одном только Геленджике и Новороссийске. Они идут горными отрогами далее к югу к Михайловскому перевалу, где разработаны инженером-техником Томашевским, который, между прочим, нашел в своем имении прекрасный литографский камень, получивший первую награду на Нижегородской выставке. Но дело это, за отсутствием средств у Томашевского, не пошло.

Геленджик считается морским курортом, благодаря своей бухте, в которой прекрасное купание. Едва ли с этим можно согласиться вполне, смотря по тому, где это купание, на каком берегу?

Купание прекрасное на северном берегу бухты, в районе культурных участков: отлогий берег, дно песчаное идет, постепенно углубляясь, в море. Действительно, купание редкое, но от Геленджика далекое, верст около пяти.

В самом же Геленджике купаются и на восточном (культурном) берегу, и на южном. На первом имеются несколько купален (купальни от санаториев). На южном тоже, между прочим, одна большая купальня грека Д., в которой имеются теплые и грязевые ванны и вообще разные удобства и приспособления. Купальня довольно большая и хотя совместная женская и мужская, но устроена так, что оба пола стеснять друг друга не могут. Дно тоже песчаное.

Не то на восточном берегу, тоже в совместных крохотных купальнях, где купаться и стеснительно и скверно, вследствие каменистого дна, покрытого большей частью морской травой.

Летом весьма часто выброшенная морем на берег морская трава, вследствие жары, начинает гнить, поэтому распространяется такой отвратительный запах, что в некоторых местах (где тоже купальни) нельзя пройти, не зажимая носа.

Вообще восточный берег для купания самый неудобный.

Крайне любопытен бульвар, устроенный дачниками (владельцами планов) на этом берегу. Огороженный забором, этот бульвар сплошь состоит из колючек (держидерево), между кустами которых поставлены скамейки. Признаюсь,

мне в жизни не приходилось видеть такого бульвара, по которому могут безопасно прогуливаться разве только буйволы! Это ужасная колючка!.. Вы не можете пойти на прогулку в горы, если жалеете платья, которое обратится непременно в клочки от наивного желания «полюбоваться окрестностями». Мужчинам еще полгреха в длинных сапогах, но бедные дамы, что ни шаг, то остановка, держидерево действительно держит за платье – надо останавливаться и отцепливаться, а потом опять и опять... одним словом, прогулка с препятствиями.

Дальше к югу колючка попадает меньше и, наконец, совершенно пропадает в верстах 40 от Геленджика, этого «Чудного уголка» (по возмутительной рекламной книжке одного московского «скорпиона»), в котором норд-ост, да держидерево составляют две характерные и неизменные особенности, доминирующие над прочими красотоми.

Санитарное состояние Геленджика довольно печальное и притом клонится к худшему по таким причинам: на каждом плане имеется по одному колодцу и одному примитивному ретираду, которые на довольно близком друг от друга расстоянии. Следовательно, почва мало-помалу загрязняется, что отражается и на воде в колодцах.

На такое обстоятельство нужно обратить внимание!

По моему мнению, Геленджик для житья едва ли удобное место. Месяца два летних прожить можно, хотя и дорого, но что касается зимы, осени и весны, то норд-ост изведет, измучает человека, который, в конце концов, убежит даже на север... отогреться, и успокоиться от этого дикого воя, свиста и гула!

В заключение должен сказать несколько слов об окрестностях Геленджика, которые, впрочем, особого интереса не представляют. К югу идут горы, покрытые лесом, преобладающими породами которых являются дуб, бук, ясень, граб, можжевельное дерево, сосна, груша, яблоня – все это перевито лианами и диким виноградом и потому дает приют диким зверям, для которых кормов – пропасть. Медведи, кабаны, барсуки, волки, шакалы, лисицы, зайцы, дикие коты и прочие, водятся в лесах в достаточном количестве.

Прогулки совершаются в Фальшивый Геленджик – красивое местечко на берегу моря, названное так потому, что имеет небольшую бухту с очень похожими с моря очертаниями, такими, как в настоящем Геленджике. С моря кажется, что эта бухта имеет такие же очертания, как и Геленджикская. Это сходство Геленджиков настоящего и фальшивого. Но разница весьма основательная. Мы пошли в Фальшивый Геленджик пешком через горы по старой

черкесской дороге. Нужно было подняться на перевал и спуститься. Дорога, неинтересная сама по себе, тем не менее, дает возможность любоваться Геленджиками, настоящим и фальшивым, а также открытым безграничным морем.

Некоторые предметы и комбинации в миниатюре изящны и красивы: так и Геленджики с перевала. Раскинулись среди зелени домики и дачи, они пестрой толпой спускаются к бухте, какая прелестная зеленая декорация!

Когда мы спускались к Фальшивому Геленджику, кроме моря, бухточки и долины, видны были две постройки: одна внизу долины – белое здание, другая постройка – серая, вверху на высоком мысу.

Та и другая замечательно красивы издали, особенно нижняя, вся в зелени.

– Нижние постройки, – говорил наш спутник, старый местный охотник, – санатория доктора, а хутор повыше принадлежит Н. Прежде здесь пропасть фазанов водилась...

– А теперь?!

– Перебили... Легко было стрелять эту птицу, да ли сицы и шакалы за ней тоже охотились, а люди последних истребляли мало, – отвечал охотник.

Мы продолжали спускаться к Фальшивому Геленджику. Прежде, до завоевания Кавказа, здесь были прекрасные горные черкесские дороги, которых русские не поддерживали, и большинство их заросло, но некоторые, редкие, остались. По скату гор лес повырублен, осталось множество мелких дубков, похожих на кустарники, и много цветов, среди которых пунцовые и белые дикие розы, очень пахучие. Пустынно, тихо кругом, воздух дивный, и это блестящее, изумрудное море... Какая сила, красота и могущество!.. Вдали тянется короткой лентой, большой пароход, близ берега белеет на рус турецкой фелюги!

Чем ниже, тем гуще и темнее зелень.

– Надо будет нам переходить речки, – говорил охотник, – положены ли только переходы?

Мы были близ санатория, который теперь совсем скрылся в зелени. Что это? Трава высокая, сочная, лопухи, а затем, затем болото... Идти трудно. Но, наконец, вот и речка. Окруженная ветлами, камышом, всякими порослями, темная, неприветливая речка с квакающими лягушками. Комары кружатся над вами и около вас со своим тонким, характерным визгом.

«Санаторий», – мелькнуло в моей голове, – но здесь болото, лихорадочное место и даже комары, которых нет в настоящем Геленджике!"

Перешли одну речку, другую. Неприятно было перебираться сквозь кусты и заросли. Скоро подошли к санаторию, который окружен валом и глубокими канавами, что совершенно понятно среди болотного места.

На валах растет виноград, в канавах вода. Прекрасно! Вот так лечебница! Мне раньше говорили, что этот санаторий славится лихорадками, но я не верил, пока не убедился собственными глазами. Море близко, его берег низкий, несомненно, он заливается, здесь же впадает в море река. Одним словом, лечебница, стоящая в низине, окружена с трех сторон водой, представляя собой полуостров.

Владение санатория – 10 десятин бывшего потомственного участка Ст-ва, купленного доктором за 800 руб. Место, как огородное и баштанное, великолепное место... Но, согласитесь, для лечебницы немного смелая затея!

Вообще, крайне неприятное впечатление! Сумрачно, неуютно, а между тем, издали каким прекрасным местечком кажутся постройки санатория, прямо живописные!..

Воду из речки пить нельзя, но при санатории имеется колодец. Бедовое дело эти горные речки, если они застаиваются, образуя болота – тогда малярия несомненна.

Красивое, живописное местечко, этот Фальшивый Геленджик, все было бы хорошо, если бы не болотная речка!

Лучше, если бы лечебница помещалась хотя бы на месте хутора, на высоте, там реже лихорадки и вид на море замечательный по красоте и по широкому горизонту.

– Много живут во время сезона в санатории?

– В прошлом году человек 30 жило, а то и больше...

– Что же, болели лихорадкой?

– Как не болеть? Известно, какая местность, особенно, если лето дождливое, – отвечал местный обыватель и отвечал грустно.

– Сколько стоит пансион в санатории?

– 50 рублей в месяц.

– Недорого, очень недорого, – удивился я, – даже очень задешево можно получить лихорадку!

Еще другое в 18 верстах место, куда курсовых водят на прогулку – это Джанхот, ущелье на берегу моря. Прекрасный воздух, которому помогает сосновая роща, сплошь покрывающая некоторые места ущелья. Мрачно, но поэтично в Джанхоте. Тут и берег, и малюсенькая бухта носят не совсем веселый характер по своей угрюмости. Летом здесь хорошо, уединенно и спокойно. Но зимой и глубокой осенью и мрачно, и неудобно. Зачем наши северные сосны? Пожалуй, оригинально для юга и только! Но все-таки живая зелень лучше и отраднее.

Во всяком случае, Джанхот, хотя и угрюмое, но интересное местечко, только мало простора и света!

Другой хутор совсем недалеко, в 5 верстах от Геленджика, хутор наследников некоего Д. Три десятины виноградника, винодельня и небольшая хата, где живет заведующий этим делом. Вина прекрасные, особенно лафит (стоимость ведра 8-9 рублей), что достигается ручной обработкой (давка винограда), неупотреблением серы при прочистке бочек, исключительной чистотой подвала и посуды. Долго ли продержится это виноградное натуральное хозяйство – не знаю. От этого хутора очень недалеко до мельницы, откуда можно подняться на вершину горы, где сохранились в целости два великолепных экземпляра дольменов.

Михайловский перевал и колония Криница.

Путешествие в хорошую погоду по береговому шоссе – одна прелесть, особенно весной, когда все деревья одеты свежей светлой зеленью и горы кажутся такими веселыми, приветливыми. Картина осенью иная и очень оригинальная: разноцветная листва леса представляет гигантский букет, особенно красивый при солнечном освещении.

Выехав из Геленджика в гору, полюбовавшись оттуда видом на бухту и, спустившись в ущелье, вы вступаете в горное царство. Горы повсюду, слева не сколько отлогие, справа они тянутся к самому небу отвесной стеной, горы кудрявые, словно шапкой покрыты разнообразной листвой.

Кое-где лесные поляны засеяны пшеницей, но, минуя три-четыре версты нет признаков культуры: небо да горы лесные. Дорога причудливо вьется по ущельям: то встанет перед вами каменная стена с правильным горным наслоением, то высокий железный мост и маленькая речка внизу на миг покажутся и скроются, оставшись позади.

«Зачем такой мост, – мелькнет в голове, – когда такую речку перешагнуть легко?»

Да, теперь, когда сухо и нет дождей. Но бурные и грозные эти небольшие речки, когда с гор стремятся потоки и бешено мчатся, сдвигая с места каменные глыбы и сокрушая своим течением целые вековые деревья. Гневны и опасны тогда горные реки!

Чем дальше в горы, тем разнообразнее, живописнее виды: не знаешь куда смотреть. Вертишь головой, глаз мало-помалу утомляется и окружающее сливается в огромный лесной пейзаж без начала и конца – пейзаж, среди которого вы кружитесь, опускаетесь, поднимаетесь, как в заколдованном царстве.

Проехали 15 верст, чудным воздухом не надышешься. Ровно бегут лошади по гладкому шоссе, несмотря на подъемы, хорошо и легко становится на душе. Проехали еще три версты и справа в густой зелени мелькнули постройки хутора Томашевского, совсем притаившегося в густой горной зелени. От этого хутора начинается Михайловский перевал, и шоссе, построенное короткими зигзагами над горными пропастями. Дорога над вами, дорога под вами, и вы кружитесь постоянно. Выше и выше, мелькнет одно-другое ущелье и все лес, только лес, густой мо гучий лес.

Множество азалий встречается на перевале, целыми кустами наклонились цветы их с обеих сторон дороги. Аромат азалий смешался с горным воздухом – легкие просто не надышатся этой прелестью.

Вот и высшая точка перевала. Лошади остановились отдохнуть. Чудный вид! Разнообразны горные вершины: где сгрудились живописной толпой, а где резко выделяется своими очертаниями каждая. Широкий горизонт, но моря не видно, только одно лесное зеленое царство.

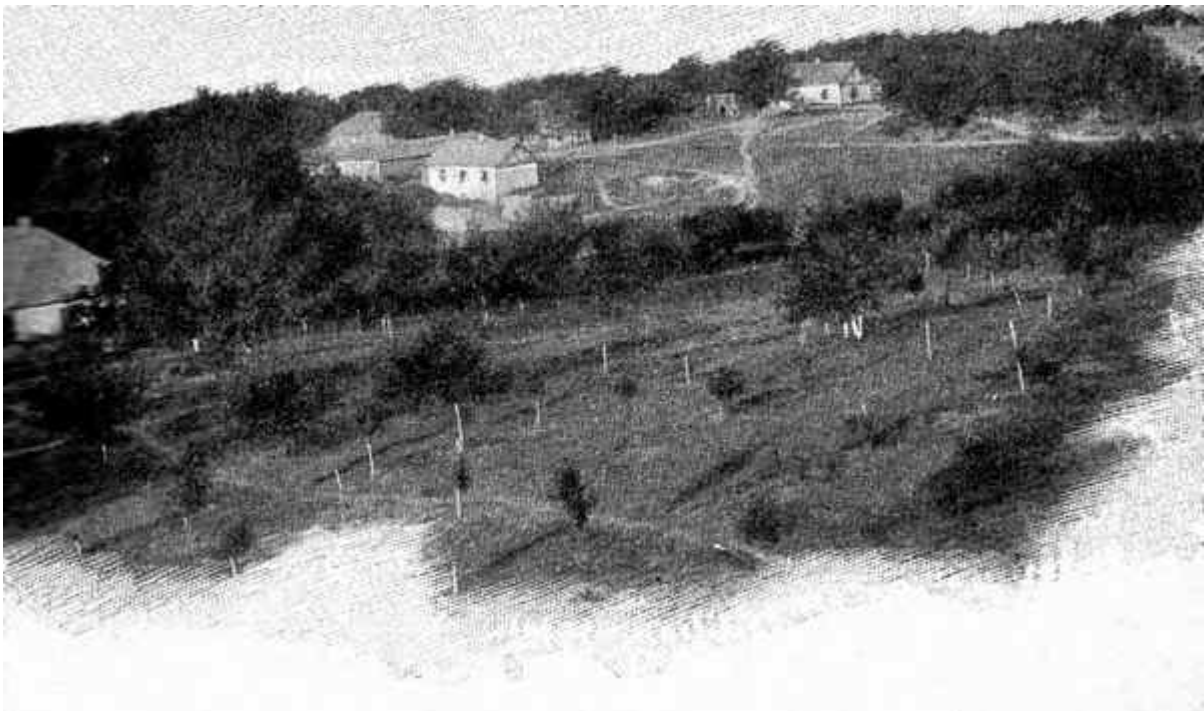
Скорый спуск – две с небольшим версты до почтовой станции, от которой, проехав девять верст, мы свернули по проселочной дороге через селение Береговое в колонию Криница.

По внешности село Береговое далеко не живописное место, с церковью, училищем, сельским правлением и лавкой с мелочной торговлей, расположено неправильно по ущелью в четырех верстах от моря. Но чем далее от станции, тем местность становилась красивее и по этичнее.

Глянуло из-за скалы синее блестящее море, прекрасная дорога поднималась в гору. Справа зеленой полосой протянулась сильная пшеница, поля клевера внизу подходили к речке. Мы продолжали подниматься по скалистой дороге. Теперь даль моря раскинулась в своей необъятности.

Поворот влево – ворота, везде плетни и изгороди – все показывало, что здесь живут и работают серьезные хозяева. Первое впечатление хутора Криница – порядок и тишина. Вы едете среди обработанных полей, среди подрезанных фруктовых деревьев; куда ни оглянетесь, перед вами труд и культура. Вверх в горы идут виноградники.

Вот постройки: одна, другая, а выше красивый, изящной архитектуры дом с мезонином непременно обратит ваше внимание. Какое красивое плоскогорье на высоком скалистом морском берегу! В живописном беспорядке разбросаны небольшие белые домики. Кругом цветы, дорожки выются в гору и переплетаются между собой, направляясь к домам и службам. На глаз всех построек около 15-ти, это – усадьба колония Криница, существующая с 1886 года и сослужившая немалую службу культуре дикого и по сие время довольно пустынного, некультурного, но богатого края. Приступаю к точному хозяйственному описанию колонии Криница (материал любезно предложен мне членами колонии, за что приношу им благодарность).

Участок хутора Криница расположен на левом берегу реки Пшада у ее устья и состоит из трех резко выдающихся частей: широкой равнины в долине Пшада, возвышенного плато и горных пастбищ. Широкая равнина состоит из трех спускающихся к речке и морю террас, из которых нижняя представляет заливные луга, средняя и верхняя – прекрасные поля. Средняя и верхняя террасы у моря соединяются и переходят в низину. Глубокий почвенный слой низины, ее положение при реке, обилие стекающей на нее подпочвенной влаги, естественно, указывают на ее назначение под огороды.

Возвышенное плато (от 35-ти до 40 сажень над уровнем моря) господствует над долиной и тянется полосой над морем. Здесь расположен хутор и заложены виноградники. Горные луга и пастбища (от 60-ти до 100 сажень над уровнем моря) господствуют и над долиной, и над плато Шахан, с северо-восточной стороны с его тремя хребтами, протягиваясь на северо-запад. Они отделяют участок Криницы от юрта (общественная, мирская земля) деревни Береговой и защищают его до некоторой степени от господствующих ветров (N-0), которые не имеют ни силы, ни той интенсивности, как в Новороссийске и Геленджике. Верховья некоторых ущелий совершенно защищены от норд-оста. Шахан спускается к морю террасами, две из них имеют по несколько десятин. Для защиты долины от действия норд-оста в 1893 году предприняты были, по черкесскому способу, древесные насаждения в один-два ряда перпендикулярно долине.

Земельный участок колонии Криницы – 350 десятин. Берега реки Пшада в ее течении по участку Криницы защищены от разливов деревьями. В долине в двух боковых ее ущельях есть признаки существования родников, вероятно, забитых черкесами во время их переселения в Турцию.

При самой усадьбе находятся два больших бассейна и два колодца. Бассейны с постоянным притоком ключевой воды. Из бассейнов вода по трубам проведена в баню и прачечную.

Признаки существования аулов в горной части участка дают возможность предполагать, что и горная часть не лишена воды (родников), но ее нужно найти. После черкесов оставшиеся колодцы если не были забиты, то заросли, заглохли совершенно.

Сообщение хутора Криницы с Береговой производится по левому берегу реки Пшада, для чего проложена горная дорога на протяжении 70-ти сажень по обрыву перевальчика, отделяющего участок от юрта деревни Береговой. Из долины в усадьбу – тоже горная дорога на протяжении 250-ти сажень. Из усадьбы в горную часть участка имеются две черкесские дороги: одна – по хребту выше виноградников, другая – по восточной меже участка. На

вершине Шахана растет дубовый лес вершка четыре в отрубе, пяти-шести аршин длины. По склонам дуб мельче и перемешан с кленом, вязом и грабом; из редка встречается лжебакаут. В ущельях по склонам много диких яблонь и груш, кизила, мушмулы, терновника и алычи. В полосе над морем господствуют держидерево, шиповник и терновник. В долине по речке – белолистка, ольха, ива.

При разливах реки Пшада, вода поднимается аршина на три и затопляет нижнюю террасу. В наводнение 1898 года вода у перевальчика поднималась на девять аршин и затопила часть средней террасы.

Как я упоминал, участок Криница всего 350 десятин, а по гармоническому соотношению частей между собой, низменных и возвышенных, по оригинальности топографии и по разнообразию почвы, является исключительным на северной части Черноморского побережья, главным образом со стороны хозяйственной, хотя в то же время местность не лишена художественного характера.

С хозяйственной стороны этот участок дает полную возможность разнообразить культуры и поддерживать их в строгом соответствии между собой, что характеризует полное, самодовлеющее хозяйство: заливные луга, мергелистые пахотные земли для злаков и кормовых трав, глубокопочвенные огороды с возможностью их искусственного орошения, виноградники на богатой известковой почве по южному склону, фруктовые сады в защищенных от ветра местах, горные пастбища, и на вершинах горных хребтов лес – все имеется, чтобы работать и вести разнохарактерное хозяйство. Уголок действительно прелестный! И река, и море... Одним словом, все условия соединились самым естественным образом, чтобы поставить Криницу в ряд типичных хозяйств побережья.

Не менее интересен и тот общественный колорит, который, по мысли учредителей, приобрела Криница как опытная станция. Криница принимает к себе практикантов, дает возможность попробовать свои силы со стороны производительности их физического труда, выносливости и умения применять свои теоретические знания на практике, а также со стороны характера и душевных свойств в условиях общежития.

Выдержанность и серьезность членов колонии имеют несомненное влияние на увлекающуюся, самоуверенную молодежь, а трудная физическая работа на горной почве существенным образом влияет на характер и мировоззрение нового человека в совершенно новых для него условиях, как социальных, так и среди природы.

Одни скоро уходят, другие остаются подолгу, становятся равноправными членами колонии. На мой вопрос, какие практиканты более устойчивые, к какому принадлежат классу, мне ответили: "Этого мы не проверяли, но более устойчивы семейные".

Хорошо живут криничане. Рабочий характер жизни кладет на все свою печать спокойствия и тишины. В самом деле, вы не слышите ни шума, не видите суеты, как в частных хозяйствах – здесь все работы идут стройно, определенно и, если так можно выразиться, концертно.

Правда, например, когда дают вино, то поют хором, но это и оригинально, и придает энергии рабочим, да и поют хорошо, стройно и песни содержательные.

После ужина, вечером, члены колонии обсуждают работы на завтра. Я присутствовал на этих обсуждениях: это – беседы, спокойные, тихие, беседы за папиросой перед ночным отдыхом.

Приходилось мне присутствовать на более серьезных обсуждениях – приема в члены колонии, что бывает после довольно продолжительной практики.

Тогда человека рассматривают со всех сторон его умственных, душевных и физических качеств. Этот человек подвергается такому всестороннему анализу, что ошибок существенных в определении личности, мне кажется, не может быть.

Каждый высказывает свое впечатление о новом члене, высказывает, по-видимому, искренне и свободно.

Итак, тишина и система. Все, и женщины, и мужчины, заняты физическим трудом, за исключением одной женщины, занимающейся обучением детей (и еще одного члена колонии, ведущего бухгалтерскую часть).

И это дело поставлено хорошо. Дети, кроме обычных наук: арифметики, русского языка и прочего, знакомятся с естественными науками. Их обучают языкам, а также и музыке. Некоторые юноши прекрасно играют на пианино и скрипке.

Не нравится мне только воскресное утреннее церковное пение. Мне кажется, что это странно действует на детей, едва ли они понимают в чем дело.

Живут колонисты семейные в отдельных домиках или квартирах, конечно, небольших. Холостые помещаются по два в одной комнате. Обстановка простая, но тем не менее все необходимое имеется, даже и цветы. Стол питательный, пища хотя и растительная, но разнообразная, молочные продукты превосходные. Утром, в 8 часов, завтрак – чай и кофе. В 12 часов – обед из двух блюд. В сезонное время подаются фрукты, виноград. В 4 часа полдник, в летнее время – хлеб, арбузы, дыни. В 7 или 8 часов вечера, смотря по времени года – ужин, тоже из двух блюд.

Кухня большая, удобная и чистая, столовая – тоже порядочная и уютная комната с картинами работы одного из членов колонии. Кухней и подачей кушанья заведуют три дежурные женщины, которые исполняют эту обязанность понедельно.

За 17 лет существования колонии заметны следы ее культурного влияния на окружающие деревни, выразившейся в лучшей обработке полей, в введении усовершенствованных орудий (сакковские плуги, бороны, веялки) и новых культур. Некоторые крестьяне занялись виноградниками и виноделием исключительно благодаря примеру и указанию членов колонии.

В 1886 году хуторяне начали хозяйство на трех десятинах, которые тогда были чистыми, без леса, а теперь у них под полеводством находится 37 десятин 700 кв. саженой, под лугами – 12 десятин 1200 кв. саженой, под виноградником 4 десятины 875 кв. саженой, под огородом – 2 десятины и под садами – около 3-х десятин.

Система полеводства – восьмипольная с посевом кормовых трав, черным паром. Озимых хлебов в текущем году было 14 десятин 1500 кв. саженой, яровых покровных (для посева трав) – 4 десятины, яровых пропашных (для посева кукурузы) – 1 десятина.

К правильной плодосменности в севооборотах еще трудно перейти, вследствие ежегодного увеличения полей путем раскорчевки леса.

Скот в хозяйстве молочный, помесь шведской породы с симментальской. С ноября по март – стойловое содержание. Измерение удойности каждой коровы еженедельное. Наивысшая удойность в год – 150 ведер, а низшая – 95 ведер. Имеется сепаратор. Телята-годовики обходятся в 25-28 рублей.

При хуторе имеется печь из кирпича для сушки фруктов, овощей, грибов. Печь сконструирована Еропкиным по типу американских сушилен, замечательно доступная по дешевизне, всего 25 руб.

Таким образом, постепенно, шаг за шагом, путем опыта, полеводство Криницы пришло к многополью с травосеянием и корнеплодами. Полеводство, промышленное огородничество, виноградарство, садоводство, пчеловодство, молочное хозяйство – все эти отрасли в настоящем времени в полном ходу. В будущем, помимо расширения существующих отраслей, намечен ряд новых производств того же кустарного типа, как и все хозяйство. Например, довольно значительные насаждения тутовника, могущие и теперь уже обеспечить выкормку

шелковичных червей. Заложены плантации казанлыкских роз для выгонки розового масла, появилась возможность ввести в севооборот посев масличных растений и иметь свою маслобойку, мельницу и крупорушку – все это, вероятно, в недалеком будущем, раскроет широкие перспективы экономического развития колонии Криницы.

“Кто знает, – пишет мне член колонии, – быть может личный физический труд, который хуторяне ставят для себя как основу личной нравственности, ограничение физических потребностей как гарантия личной независимости и свободы, доверие друг к другу, как канва для взаимных отношений, – кто знает, что все эти прекрасные вещи, кажущиеся вам утопическими по данному времени, сослужат немаловажную службу как указатель – каким образом пережить бесконечно затянувшийся экономический кризис и нервную расшатанность современного интеллигентного общества”.

Кто знает, прибавлю я от себя, быть может и права криничане и во всяком случае ничего не потеряли и не потеряют, удалившись от сутолоки культурного общества и занявшись здоровой производительностью при условиях, развивающих и тело, и душу.

Не пройдет их работа бесследно, да и теперь ее плоды созревают, хотя, может быть, и медленно, но зато прочно.

Трудно было колонистам вначале, когда Криница представляла собой дитя дебрей, без дорог, без всяких сообщений, когда места, где теперь растет виноград и цветут розы, населяли медведи и кабаны. Да, трудно и очень трудно, но не отступили пионеры и теперь пожинают труды не только рук своих, но своей энергии, терпения и веры в будущее. Криница завоевала Кавказ в культурном отношении. Если кто теперь искренне порадовался бы за успех Криницы, то это покойный А.Н. Энгельгардт, порадовался бы на блестящее дело и на то, что в этом деле все-таки сказалось влияние умного и талантливого профессора: один из его друзей и учеников, Зот Семенович Сычугов (“Зотик”, как звали его в Батищеве, где он работал у Энгельгардта) – один из основателей Криницы, в настоящее время стоит во главе ее хозяйства.

Но надо кончить мой беглый очерк. Много возникает вопросов по отношению к Кринице, много всевозможных требований предъявляют к людям, задавшимся простой, но, в сущности, трудной задачей.

Хозяйство на побережье – вообще трудное дело. Вы не найдете ни одного частновладельческого хозяйства организованного, идущего к определенной цели приспособления и правильной эксплуатации природных земельных богатств. Этот молодой край, как паутинной сетью, окутан земельной спекуляцией: все хотят нажить деньги, не работая, не производя тех опытов, которые создали Криницу. Министерство Земледелия еще не создало типичного хозяйства, а так называемые культурные участки не вышли из своего отчасти эксплуататорского, отчасти дачного положения.

Тем более Криница является в высокой степени интересным явлением, явлением, которое еще мало оценено обществом и печатью именно с той стороны, на которую я указал. Мне пришлось в нынешнем году изучить все побережье. И что ж? Криница и Новый Афон – вот пункты хозяйственного прогресса и культуры. И только. Правда, в Новом Афоне работают наемным трудом, как ниже увидит читатель, монахи работают мало: они молятся и надсматривают за работами (табельщиками) и занимаются другими хозяйственными делами.

Но и в Кринице, несмотря на то, что работают все, без наемного труда не обходятся, когда не хватает своих сил, например, при уборке урожая и в других случаях. Пастух и водовоз в колонии – наемные люди.

Но эти рабочие живут одной жизнью с колонистами и отношения между ними совершенно товарищеские.

Все работы, вся деятельность Криницы зарегистрирована. Для учета стоимости производства по каждой отрасли ведется табель.

Юридически участок колонии принадлежит В.В. Еропкину, фактически же находится в полном пользовании и владении колонии Криницы, членом которой состоит и Еропкин. Земельные и имущественные отношения между членами колонии основаны исключительно на взаимном доверии. Оформить юридически эти отношения колонисты считают необходимым, но не находят существенно важным. Бумажный акт, как они говорят, не гарантирует ни взаимного доверия, ни дружеской участливости.

Но, тем не менее, рано или поздно интеллигентным работникам Криницы придется заключить этот «бумажный» договор.

Еще интересное явление в Кринице: колонисты с самого основания своей общины начали брать на воспитание крестьянских сирот, которых они обучали наравне, ко нечно, со своими детьми, следили за их развитием, приучали к работам. Теперь этим юношам 19-20 лет, юношам, выросшим в общине, которая всецело заменила им отца и мать... Крайне интересно, какой результат получится, когда эти дети общины станут совершенно взрослыми и полноправными гражданами?

Живут криничане дружно. Получают журналы, газеты, у них прекрасная библиотека как русской литературы, так и иностранной. Иногда что-нибудь интересное читают вместе, или кто-нибудь рассказывает о прочитанной статье. Конечно, в библиотеке имеются книги сельскохозяйственные, специальные. Газету читает один член колонии и, отмечая, что есть в ней интересного, прочитывает всем, обыкновенно после обеда или ужина. Криничане дорожат временем; в самом деле, работа всегда есть, а зима на Кавказе не русская, короткая. Виноделие в Кринице поставлено прочно, вина превосходные, недо рогие (35-50 коп. бутылка), сорта – сотерн, бургунское, и в настоящем году первый сбор лафита. Сбыт Криница имеет, хотя, по моему мнению, не такой, какой бы следовало, не коммерческий. Небольшая торговля (лавочка) имеется в Геленджике, где вообще колонисты сбывают свои продукты, которые покупаются нарасхват, ибо считаются лучшими, особенно сливочное масло (фунт 40 коп.).

Все ранние овощи привозят на базар из Криницы. Как только появляются хуторские подводы, так и раскупают весь товар геленджикские торговцы, чтобы продавать с барышом.

Дыня ли, картофель, капуста, если криничанская, то дороже на базаре. И действительно, они и лучше, и вкуснее.

Геленджиком продукт Криницы признан как образцовый. В Геленджике, откуда до Криницы 41 верста, колония очень популярна.

Вот эта-то популярность в летнее сезонное время приносит колонистам немало хлопот. Разные туристы, курсовые от нечего делать, из любопытства, нанимают фаэтоны и едут смотреть, как работают интеллигенты. Одним словом, едут мешать работе. Чтобы избавиться от праздных посетителей, колония вывешивала объявления и в настоящее время, когда этот очерк я пишу, они просили меня, чтобы и я напечатал об этом. Охотно исполняю их скромную просьбу и сообщаю: приехать в Криницу можно, но только при условии письменного на то разрешения. Людям, приезжающим не для одного только пустого любопытства, колонисты никогда не откажут, а их гостеприимство и любезность вне всякого сомнения.

За хутором Криница, пройдя берегом или лесной черкесской дорогой четыре версты, к югу расположилось над морем чудное местечко, называемое «Широкая Бета». Суровая красота этого места оригинальна и типична. Вид на море чудный, живописнее, нежели из Криницы. Место довольно ровное, крайне симпатичное место: это смесь про стоты и грандиозности. Прежде жила здесь крестьянская артель, вела дело сообща, но вследствие разных обстоятельств артель расстроилась, и крестьяне теперь переве дены Министерством Земледелия на положение «культурщиков» с наделом в 12 десятин на семью. Этот поселок только что устраивается.

В 1895 году в восьми верстах от селения Берегового на казенных землях Министерства Государственных Имуществ, организова лась крестьянская община русских переселенцев: из 4-х семей Орловской губернии, 1-ой Киевской, 3-х из Курской губернии, 1-ой семьи Черниговской и 3-х Черноморской губернии. Эти семьи

переселенцев, как годовые арендаторы (50 руб. аренды) заняли местность под названием «Широкая щель». Глухое, сплошь поросшее дубовым лесом место на берегу моря требовало для своей культуры много силы и упорного труда. Ввиду трудности расчистки и обработки земли, переселенцы решили производить работы сообща и жить полной артельной жизнью. У новых колонистов было все общее: скот, орудия производства, пища и жилище (был построен общий дом). Одежда и мелкие потребности удовлетворялись из общих сумм.

Кое-как, устроившись на первых порах и приступив к корчевке леса, члены артели, начали хлопотать о наделе их земель для образования поселка. Первоначальные хлопоты не имели полного успеха, хотя и приехал землемер, выделивший им 500 десятин земли при 180 удобной. Тем не менее, колонисты оставались в положении годовых арендаторов.

Такое их положение, весьма неопределенное, боязнь и тревога, что им откажут в наделе или переведут в другие места, не особенно способствовали энергичной работе, а также и их совместной жизни. Нужда и неустройство повели за собой раздоры и неприятности: одни семьи стали выделяться из артели, другие просто уходили (две семьи ушли и поселились в Береговой, одна, курская, вошла в состав деревни Марьино роща близ Новороссийска). По мнению переселенцев, раздорам и несогласием членов артели во многом способствовали женщины, из которых почти каждая желала быть самостоятельной хозяйкой.

Пять лет просуществовала эта маленькая артель и первого октября 1900 года поделилась на отдельные семьи. Благодаря частной помощи, переселенцы начали строиться. Общественный дом был предназначен при образовании поселка под школу. Пять семей выстроились и теперь живут отдельно, остальные еще вместе, но строятся.

В чем же выразилась пятилетняя культура артельного хозяйства?

Всего под зерновое хозяйство, под пашню разделано из-под леса 20 десятин; заложено виноградника, ныне дающего урожай 800 кв. саженей, общественного фруктового сада полдесятины (100 фруктовых деревьев). Скота было (теперь поделили) крупного: лошадей 6, коров 9 и волов 2.

В настоящее время каждая семья наделена от Мини стерства Земледелия и Государственных Имуществ по 12-ти десятин, причем 2 десятины находятся на берегу моря, а 10 в «щели». Земля разбита на равные участки, и переселенцы поступили теперь в разряд, так называемых, культурщиков, и со временем должны стать фермерами-собственниками. Крайне интересно, что даст в будущем этот серьезный опыт крестьянского поселения на новых началах фермерского участкового хозяйства?

Около них купил порядочный кусок земли (100 десятин) бывший член колонии Криница К., который завел свое хозяйство. От Широкой до Криницы в нынешнем году Министерством Земледелия нарезано десять культурных участков, которые все розданы и некоторые владельцы уже приступили к постройкам. В 1903 году отсюда до Криницы будет по берегу моря построена дорога, и тогда это прелестное местечко, до сих пор почти пустынное, оживится и окультивируется.

На турецкой фелюге по Черному морю. Архипо-Осиповка и Джубга.

Это было весной на Пасху, когда из колонии Криница мы отправились по морю на турецкой фелюге к югу в станицу Архипо-Осиповскую.

При попутном ветре на парусе мы шли легко. Два турка один на руле, а другой при парусе управляли лодкой, которая быстро неслась в открытое море то поднимаясь, то опускаясь, словно скользя по бирюзовым волнам с белыми красивыми гребнями. Весело и шумно в лодке, кто-то затянул, и хор подхватил песню.

У турок радостные, совершенно с детским выражением лица. Эти турки пришли на лодках из Малой Азии для рыболовства и ловли дельфинов. Они давно, уже несколько месяцев, живут внизу под Криницей, в «щели» на берегу моря.

Турки прекрасные моряки и рыболовы, смелые и ловкие. Одни только турки и поставляют рыбу по всему побережью. И в Геленджик, и в Новороссийск. Весной у турок сезон камбалы и ловля дельфинов, которых они стреляют из ружей. Этот промысел довольно доходный, вытапливаемый жир из 5-10 пудовых животных продается в Новороссийск по 2 рубля 15 копеек за пуд.

Когда мы шли на фелюге, Мамед стрелял дельфинов, которые нет-нет да выскочат из моря, кувыркаясь в воздухе. Меткий выстрел и добыча в руках. Дельфин, убитый при появлении над водой, когда он вбирает в себя воздух, не тонет.

Впрочем, весной они очень жирны, а с мая месяца худеют и ловля на них прекращается, так как не так выгодна. Вообще в летнее время рыболовство в Черном море прекращается до осени, когда в большом количестве идет кефаль, хамса и игла (сарган), а также белуга и осетр.

На лето турки уезжают на родину и возвращаются осенью, некоторые, впрочем, остаются и занимаются разгрузкой пароходов там, где последние не подходят к берегу из-за отсутствия молов.

И так мы неслись по волнам – вперед и вперед. Я любовался угрюмыми, но красивыми берегами. Проехали Широкую Бету, имение Адлер и лодка повернула к берегу. В это время навстречу и мимо нас пронеслась фелюга с двумя турками. Она шла против ветра, накрываясь на бок, шла под парусом, находившимся в постоянном движении. Этот ход был отчаянный; встречные нам что-то прокричали и были далеко, и мне казалось, что вот-вот фелюга перевернется.

Наивный и честный народ эти турки-рыбаки. Доверие и полная непосредственность – черты их характера. Мне рассказывали, как они отправляют своим семействам заработанные здесь деньги. Право, оригинальная почта.

Если кто-нибудь из них отправляется на родину, каждый из рыбаков, разных мест и селений Малой Азии дает для передачи своим деньги и письма, и импровизированный почтальон с замечательной точностью исполняет возложенные на него поручения и исполняет их безвозмездно. Турки говорят, что не было примера пропажи хотя бы копейки посланных таким путем их трудовых денег.

Ветер крепчал, нашу фелюгу качало сильнее.

– О, с турками ничего! – говорили мне. – С турками не опасно!

Но вот показалась долина, в середине которой на холме, недалеко от берега, возвышался большой белый железный крест – памятник Тенгинского полка рядовому Архипу Осипову, «погибшему во славу русского оружия 22 марта 1840 года в укреплении Михайловском, на месте которого сооружен сей памятник».

Когда тысячи горцев напали на укрепление с гарнизоном в несколько сотен человек и когда защита оказалась невозможной, Архип Осипов взорвал пороховой погреб. И русские, и неприятели погибли под развалинами крепости. По имени этого рядового и называется селение Архипо-Осиповка (местные жители до сих пор станицу зовут Вуланкой).

По замечательно красивой и живописной долине раскинулись в беспорядке хаты крестьян – бывших шапсугцев и новоселов. Всех дворов 170 при наличном населении 964 душ обоего пола, причем юртовой (общественной) земли насчитывается до 7 тысяч десятин, в числе которых, конечно, много и неудобной: скалы, неприступные горы.

Селение и хаты – все в садах, ибо здесь при сравнительно небольшом норд-осте и богатой почве, фруктовые деревья дают блестящие результаты.

– Вот с этого грушевого дерева я в прошлом году снял 25 пудов. Сорт очень тонкий и нежный, – говорил мне один садовладелец.

Когда жили здесь черкесы, то это место было у них центром плодоводства. Сады эти и теперь существуют по щелям и горным балкам, некоторые деревья, конечно, одичали, а другие все-таки дают и без ухода прекрасные плоды.

– Вот попробуйте черкесское яблоко, смотрите, как оно сохранилось...

Большое, очень вкусное желтое яблоко, несколько похожее на розмарин, годное ко всякой перевозке, сильное, как сильна и крепка окружающая природа, яблоко, сохранившееся без подвала почти год.

Оригинальность и красота долины дополняется двумя довольно порядочными речками (Вуланка и Тешебс), которые текут в море по обеим сторонам долины под самыми горами. Одна из речек Вуланка отличается изобилием рыбы и в самое жаркое лето не пересыхает, сохраняя достаточную глубину. Особенно хороши сады по берегам этих речек.

Селение Архипо-Осиповка находится в 95 верстах от Новороссийска по шоссе и в 20 верстах от Джубги, где останавливаются четыре раза в неделю пароходы Русского общества пароходства и торговли. Несомненно, это будущий курорт. Морское купание превосходное, растительность роскошная, а близость будущей железнодорожной ветки, конечно, разовьет это пока глухое, но прекрасное местечко. Впрочем, и теперь здесь уже начинают селиться культурные люди. Планы продаются, покупатели появляются, но той спекуляции планами, которая царит в Геленджике, здесь нет, как нет ни гостиницы, ни ресторана. Три лавки, «монополия» – вот и все торговые учреждения, сельское правление, два училища (церковное и министерское), почтовая станция и церковь... Но что это за церковь? Я ничего подобного не видел... Представьте себе обыкновенную и при том ветхую хату с крестом на крыше – вот и здание храма. Церковь окружает небольшой дворик с тенистыми деревьями. На деревянном помосте три небольших колокола изображают колокольню.

Я заглянул во внутрь: темно, бедно и тесно до невозможности. Да и место, где поставлен этот домик с крестом, близ торговой площади, неудобное. Церкви следовало бы быть около памятника Архипу Осипову вверху долины. Изящная каменная церковь на таком месте придавала бы селению еще более красивый вид. Надо надеяться, что церковь будет построена, ибо настоящая ветхая избушка – церковь, по словам местного священника, по своей негодности здания скоро должна быть запечатана.

– А есть средства для постройки новой церкви? – спросил я.

– Имеются, да недостаточные... тысячи две рублей, – отвечал священник. – Крестьяне здесь менее зажиточные, чем в Геленджике, у которых имеются доходные арендные статьи. Здешние крестьяне занимаются почти исключительно земледелием, а как подспорьем рубкой и продажей леса. Плодоводством занимаются очень немногие. И понятно: для последнего занятия нужны знания, а откуда их взять переселенцу-хлебопашцу из степных губерний? И что же?... Видишь не особенно богатую пшеницу и ячмень, видишь на таких местах, которые могут дать самую высокую культуру фруктового сада...

Если Черноморская губерния была бы земская, то местная общественная деятельность, наверно, выразилась бы в развитии среди крестьянства плодоводства и виноградарства, а теперь? Корчует крестьянин вековые дубы и сеет то здесь, то там традиционную пшеницу. Странно, что и огородов нет, когда в долине две речки!.. Я поинтересовался узнать, где научились крестьяне, имеющие сады, садоводству. Оказалось, что в Кринице, которая медленно, но верно исполняет свою культурную сельскохозяйственную миссию.

Приходится придти к такому заключению: если крестьянину захочется чему-нибудь поучиться, если у него родится мысль о перемене зерновой культуры на высшую, то надо идти и поучиться у криничан. Больше нигде, и те конечно не откажут и помогут охотно. Так обыкновенно и бывает.

Красиво и далеко раскинулась Архипо-Осиповская долина, в сторону гор, разнообразных по очертаниям и богатых растительностью. Это не Геленджикские горы, то серые, то рыжеватые, от спалившего их норд-оста, нет, здесь зеленые горы, живые и веселые.

А с берега моря, какой вид в ясную погоду! Почти виден весь Черноморский берег, и мыс Туапсе, и Сочи и снеговые горы.

Да, прелестное и тихое местечко, еще неиспорченное городскими обывателями – спекулянтами. Уклад крестьянской жизни простой и отношения нормальные. И к тому же, здесь синее небо, зеленые горы и лазурное море. И даль, и высь, и красота! Хорошо, господа, право хорошо среди непосредственной, да еще такой могучей кавказской природы! А тихий весенний вечер, когда засыпают окутанные дымкой горы, и живые веселые молодые лица с рабочими руками, и чай, и ужин на вольном просторе. Даже наши турки, всегда сдержанные, и то расходились: пели свои песни и пускались в пляс... Это был дикий, чисто восточный танец с ножами, которыми они удивительно ловко управляют, попадая ими с размаха в ножны.

Ночь совсем спустилась в долину: и скоро все спало крепким сном. Мне думалось: давно ли властвовали и владели кавказскими твердынями черкесы?

Не даром приходится слышать об их садах, стадах скота и овец, табунах лошадей... Давно ли все это было? Была своеобразная, но все-таки культура. А теперь?..

Когда же русская трудовая сила пойдет по иному пути, когда зерновое хозяйство уступит свое место иной культуре и русский здешний крестьянин превратится из хлебопашца в садовода и виноградаря? Когда?

Это серьезный, важный и существенный вопрос, как и развитие скотоводства на Черноморском побережье.

Нельзя же все хлопотать о развитии курортов, когда вся сила и будущность побережья в производительности и эксплуатации действительно богатейшей природы. Крестьянское земельное неустройство, отсутствие нужных в краю школ садоводства, необходимость мелкого сельскохозяйственного кредита – вот существенные задачи правительства и общества. Устранить некоторые земельные неудобства, помочь в развитии культурного хозяйства необходимо, и чем скорее, тем лучше. Устроили же вблизи Архипо-Осиповки чехи прекрасное хозяйство в горах с

травосеянием. Чехи – первые производители молочных продуктов, а в Архипо-Осиповке у крестьян и скота мало, и корма неважные, и продукт посредственный.

Колония Текос – хозяйство чехов (15 дворов при наличном населении 117 душ обоего пола) в десяти верстах от Архипо-Осиповки севернее деревни Пшада.

Говоря о горных красотах, нельзя обойти молчанием Пшадский перевал. Этот перевал живее, грандиознее перевала Михайловского. Пшадский перевал тянется на восемь верст и с некоторых его пунктов открываются действительно чудные виды на далекие горы и на ближайшие окрестности. Какие нетронутые девственные места! Пустынные впрочем: в горах этих вы не встретите человеческого жилья. Да и в самой долине, кроме чехов до самой Архипо-Осиповки, нет хуторов, только расчищенные и запаханные поля. Правильной серой лентой тянется здесь шоссе посреди роскошной зелени. Дорога из Архипо-Осиповки в Джубгу тоже живописная и даже очень. На пути находится другая, менее зажиточная колония чехов - Тешебс (17 дворов при населении 87 душ), и немецкая, совсем не хозяйственная. Странно было смотреть, проезжая, на покосившиеся бедные хаты и разбитые стекла в окнах, где заткнутые тряпьем, а где и без всякого ремонта.

Кругом все лес и горы. Мелькнули постройки высоко в горах, мы ехали около фруктового сада. Это частновладельческий участок, на котором ведется хоть какое-нибудь хозяйство и это приятно среди безлюдья. Ближе к Джубге беднее стала зелень, ниже становились горы, неинтересные, неуклюжие, местами совсем без растительности, каменистые горы. Переехали дорогу на Екатеринодар и повернули вправо к морю. Неуютно, бедно растительностью и неприглядно.

Куда девалась та сильная зелень и могучие деревья, которые мы только что видели? Все это осталось позади, там, около Архипо-Осиповки.

Показались постройки новой Джубги, которые находятся от моря в четырех верстах. По ровной каменистой дороге хорошо бегут лошади, чувствуется морской воздух, впереди ширится горизонт.

Старая Джубга расположена на берегу моря и состоит из 100 дворов смешанного населения: русских, греков и армян. Свое название это селение получило от имени владетельного в прежние времена князя и нельзя сказать, чтобы ныне процветало это селение. В самом деле, какая почва и какая растительность на крепком известняке? Виноградная культура, конечно, пойдет с успехом, но бедны и непривычны к такому сложному делу поселяне.

Джубга, несмотря на разные учреждения, а именно почтовое отделение, станцию англо-индийского телеграфа, нескольких мелочных лавок, контору Русского общества пароходства и торговли и двух кофеен на самом берегу моря, все-таки производит грустное томящее впечатление.

Чего-то нет в этом приморском местечке. Невольно думается, чего же? Растительности, яркой зелени и той продуктивной силы роста, к которой мы уже привыкли.

Море... да моря сколько угодно! Вот оно перед вами властно раскинулось в далекую ширь, а горы печальны, серы и тощи.

Купанье в Джубге прекрасное, местами сплошной песок. Небольшой виноградник, только не крестьянский, расположился по скату над морем. Мне кажется, это единственное украшение грустного, бедного берега с его лачугами кофеен и конторы Русского общества пароходства и торговли. Несомненно, этому месту не предстоит будущности курорта.

Адербиевка. Лысые горы и Прасковеевка.

К северо-востоку от Геленджика высятся горы (Маркотхский хребет), далеко не живописные своими вершинами. Эти горы составляют как бы сплошную стену, идущую ровной линией. Эти горы – стены не дают защиты от норд-оста, напротив, свирепый ветер с их вершин бросается в виде воздушного водопада на Геленджикскую станицу и бухту. Растительность по эту сторону гор весьма жалкая: кизил, свернутый «в три погибели», дуб, держидерево и терн, да небольшие скалы – вот что встречается вам на пути к вершинам. Грустно идти посреди такой жалкой флоры, трудно вследствие крутизны подниматься, но когда вы взойдете на одну из этих голых вершин и оглянетесь назад, то будете вознаграждены: под вами, внизу, расстилается Геленджикская станица со своими плановыми, дачными постройками. Какая прелесть! Правильные улицы протянулись среди чистеньких, блестящих на солнце построек. Вычурные и нелепые башни и дачные пристройки отсюда сверху выглядят своеобразно, миниатюрно и игрушечно!

Но бухта... это восторг! Блестящая, словно зеркало, со своими красивыми берегами, загибающимися к Тонкому и Толстому мысам, бухта сливается с безграничным, далеким морем, на котором ползет червяк – пароход и чуть заметно двигаются шхуны, а фелюги кажутся совсем точками. Грандиозно, величественно море!

Но и горы! Посмотрите в другую сторону и вы увидите совершенно другую картину, иную декорацию! Зеленые перевалы, вершины, балки – все смешалось в живописном беспорядке, и все зелено, крепко, дышит силой и гордостью. Вы двинулись в путь и спускаетесь к Адербиевке... Какие могучие чинары, величественные дубы! Неправда ли, как странно?! По одну сторону бедная, жалкая растительность, по другую сторону гор мощь и сила... А отчего? Какая причина? Норд-ост, который несется верхом, и Адербиевка и адербиевские склоны гор остаются вне его губительного влияния.

Селение Адербиевка тянется среди гор по щели на три версты. Всех дворов около 300, хаты среди зелени. Небогатые постройки, большей частью деревянные, вероятно, вследствие своего положения, производят довольно нерадостное впечатление... В самом деле, внизу, среди гор, заслоняющих селение от солнца, особенно зимой, когда речка разливается по узкому усадебному пространству, без воли и простора живут поселяне, которых весьма часто посещает лихорадка. Немудрено, кроме лета сырость страшная!

К югу от Адербиевки щель протягивается на шесть верст до берегового шоссе, с которым селение соединяется дорогой, но какой!? Даже летом не легко проезжать эти бесчисленные речки, а зимой и весной при обилии дождей и говорить нечего! Проехать из Адербиевки в Геленджик или обратно – это целый подвиг! Верхом, конечно, еще ничего, но в каком бы то ни было экипаже, да еще с грузом, не только тяжело, но и мучительно!

Спустились в одну речку, с трудом выехали из нее лошади или волы. Проехали несколько сажень и пред вами опять стремится та же речка, которая успела завернуть и снова загородила дорогу. Опять в воду... по крупным камням стучат колеса, порой глубоко, да еще нужно и подняться, и вывезти груз.

Мучаются адербиевцы по своей дороге, по которой не всегда и проехать можно!

Особенно трудно миновать Волчьи ворота – оригинальное название очень узкого места, где с двух сторон сошлись серые, угрюмые скалы и загородили, нависли над путем, оставив крохотное пространство! Во время завоевания Кавказа эти Волчьи ворота сослужили большую службу черкесам, долгое время занимавшим горы над адербиевской щелью.

Много около этих «ворот» пало русских, которые по узкому пути под постоянными выстрелами невидимого врага не могли проникнуть вперед и разорить аулы горцев.

Угрюмы Волчьи ворота, мрачны нависшие над ними горы, скалистые, неприветливые! Сыро и темно в них.

Опять переезд через речку, еще, опять! Да когда же, наконец, кончится это мученье, ведь вы больше двадцати раз переехали!

Но вот показался плетень, залаяли собаки и опять речка...

– Последняя, что ли?

– Нет, еще один переезд!

Мельница и хутор старого поселенина при самом выезде из щели. Становится светлее, ширится небо и, наконец, вы очутились в долине, хотя небольшой, где есть горизонт и видны вершины дальних гор и красивые перевалы. Вот и мост через шоссе...

– Видите вверху два дольмена. Неправда ли, высоко!.. Но это хорошо... Оттого и сохранились редкие памятники, что трудно было их достать подрядчикам и инженерам!

Проехав от этого моста 6 верст по шоссе, нужно повернуть влево, в Мягкую щель, где на арендованной земле построены три хутора, в одном из которых работает маленькая артель из четырех семейств. Прекрасные люди, основательные, сильные работники. Хозяйство толковое: система и порядок, и все свое, мяса не употребляют, вина не пьют, на вид все здоровые – и женщины, и дети.

Любопытна история этой маленькой артели русских людей. Встретились на дороге Иван с Романом и разговорились. И тому, и другому хочется жить хорошо и спо койно, а главное – при земле... Подошел третий, Семен, и говорит: "Измаялся я все на других работать да жить беспокойно". Так, слово за словом и разговорились, что на Кавказе земли есть свободные, и сдаются в аренду. На счастье их, случайных товарищей, у одного оказались маленькие деньги, которые он тут же решил употребить на общее дело, а товарищи обещали выплатить ему в будущем свои части.

Коротко и ясно. Все трое работники на совесть, учить хозяйству не надо. Землю нашли, устроились, присоединился к ним четвертый, да и живут: тихо, покойно и хорошо. Когда мы сидели у них на хуторе и пили чай, вместе с ласковостью хозяев чувствовалась солидность, серьезность твердых и сильных людей.

От этого хутора начинался уже подъем. Прочная черкесская дорога ведет в горы, над ущельями и пропастями.

– Это ничего! – говорили мне. – Трудно подняться на Шахан...

Небольшая легкая повозка была запряжена парой волов и парой лошадей: груза было пудов десять. Мы шли пешком. Трудная дорога, да и опасная, слегка кружится голова, когда смотришь вниз, в глубину и темноту ущелья.

Темнело. По горам ползали тучи, то густые, мрачные до черноты, то разорванные с серой бахромой, которые, отрываясь клочьями, ползли ниже и ниже и покрывали ущелье и лес и ближние горы. Все предвещало дождь, который скоро полил на нас свежим потоком. Выше и выше. Под ногами камни, быстро бегут по дороге вниз потоки. Темно, сыро, неприветливо. Куда идем? Подъем все круче и круче. Медленно тянут лошади и волы, последние впереди. Я иду за повозкой, не отставая и слегка придерживаясь за железный прут перекладины рукой. Все повороты – направо, налево... То встанут перед вами гигантский дуб или громадная скала, и останутся позади. Молчим. Слышно тяжелое дыхание лошадей, да шум от дождя и потоков. Гремит гром, сверкает гроза...

– Скоро Шахан, – проговорил проводник.

Я с нетерпением и некоторым страхом жду этого Шахана, и почему-то он кажется мне зловещим.

Пошла ровная дорога по траве. Идем уже долго. Темная ночь. Ветер усиливается, дождь не перестает. Холодно, потому что одежда промокла насквозь. Опять подъем, труднее и труднее, и вот, наконец, он, таинственный Шахан... Мы остановились, чтобы собраться с силами и немного отдохнуть.

Сумрачно, ничего не видно. Мы на высоте 3000 футов.

– Вон Шахан... туда поднимемся! – И проводник показал рукой к небу, вверх.

Проводником был интеллигентный поселенец, товарищ доктора, который ждал нас сегодня в горах – там, у себя, за Шаханом.

Вот оно... началось!

Мне кажется, что этого подъема я не забуду никогда. Мало того, что подъем был трудный, но и фантастичный. Мы не знали, куда лезем, когда настанет конец стене, по которой мы карабкались, местами, буквально, на четвереньках. Добавьте к этому дождь, ветер и тьму. Передо мной по отвесу тащилась повозка, я шел сзади, как вдруг заметил, что ее задние колеса завертелись в воздухе. Повозка шла на одних передних колесах. Вверху бродили тучи, и слабо обозначился силуэт вершины. Но, Боже, еще высоко, очень высоко! Дрожат ноги, тяжело дышать, мрачное уныние закрадывается в сердце, и невольно думается: “Зачем только людей занесло туда, а ну, как сорвется повозка, и я с ней кувырком вниз, по отвесу?!” И я думал пойти вперед или сбоку экипажа, но веселый, уверенный голос проводника, который покрикивал: «Цоб – цобе!», ободрил меня, и я остался в арьергарде.

Выше и выше, я уже привык, что над моей головой висят в воздухе задние колеса, уже смирился перед этой стеной, которая зовется Шаханом, и иду, иду, как обреченный идти вверх, и идти долго, может быть всю ночь. Я молчу. Да и не удобно говорить, неуместно. Молчат горы, молчат эти угрюмые, мокрые скалы, которые встречаются на пути. Ветер гудит внизу по ущельям. Там грохочет гром и блистают фиолетовые зигзаги молний.

Медленно движется время, так же, как и наша повозка. Мы поднимаемся почти по отвесу, и я не могу сообразить, труднее стало или легче. Но вот видна вершина, и до нее недалеко, немного терпения и конец, там ровная дорога... Но проходит четверть, полчаса, а мы все идем. Опять темно, опять тучи, и дождь полил сильнее, и ветер становится холоднее. Когда же?

– Цобе! Цобе! – Только и слышу я возгласы проводника, но и они стали произноситься не таким уже уверенным, бодрящим голосом. Устал, должно быть, и он.

И вдруг, как это всегда бывает, неожиданно мы очутились на вершине.

– Вот и Шахан! – сказал проводник, и стал распрягать волов.

Мы были на вершине, но ничего не видели, кроме ближайших кустов да темной бездны, откуда мы сами выползли. Дождик продолжал сыпать, словно из мелкого сита, ветер стих.

– Жаль, что темно и дождь, – молвил проводник, – а то отсюда чудный вид! Ну, теперь пойдет ровная дорога, и через два часа будем дома. Садитесь!

Но я предпочел идти пешком, так как совсем промок и дрожал от холода. “Пожалуй, схватишь лихорадку”, – думал я, следуя за повозкой.

Дорога шла с горки на горку, по чернозему и по густой, сочной, хотя и невысокой, траве.

– Отсюда, – указывал проводник влево, – Кубанская область видна, как на ладони!

Но было так темно, что не только Кубанской области я не видел, но и того, что у меня под носом, и мои ноги то и дело попадали в рытвины или я спотыкался о камни.

Где-то справа залаяли собаки.

– Хутор Молдаванка... полдороги до нашего поселка.

Но и эта, вторая половина дороги, далась нам нелегко. Мы проезжали буковые рощи с неизменными балками и родниками. Из мрака выступали гигантские стволы деревьев. Можно было пробираться только ощупью, и мы пробирались бы долго, до рассвета, если бы у нас не было спичек и газетной бумаги. О, какая прелесть! Величественные, стройные стволы буков, освещенные красноватыми огнями наших факелов. Было уже три часа, когда мы подъезжали к дому.

Однако, пятнадцать верст с семи вечера до трех утра, ведь это восемь часов! Без перерыва, без остановки.

Когда я проснулся утром и вышел на крыльцо, чтобы взглянуть на незнакомую мне природу, я остановился и довольно долго не мог овладеть своим вниманием. Кругом бесконечное число вершин зеленых, лысых, остроконечных и тупых гор... Сколько их! Какая сила и сколько крепости и устойчивости у этих великанов!

Ползут тихо по хребтам облака. Из балок и расщелин поднимается туман, чем выше, тем прозрачнее, нежнее и незаметно сливается с облаками. Какая тесная связь между небом и землей!

Над лесным обрывом стоял дом, из которого я только что вышел; других построек не было, не было ничего такого, чтобы указывало на довольство и зажиточность. Вокруг была одна только могучая природа, такая, как и там, в ущельях. Чудный утренний воздух, играя, шевелил плотными листьями бука.

Да, здесь хорошо!..

Я увидел тропинку и пошел по ней вниз. Прохлада обдала меня, и не прошло двух или трех минут, как я очутился у ручья холодной, чистой, как кристалл, воды. Это был горный родник, около него небольшой огород, выше и правее, снизу, тоже огородная культура. После того, как я умылся и пошел бродить, я увидел все хозяйство хуторян: от буковой рощи протянулось десятины три-четыре посева плотной, сильной пшеницы, затем шли картофельные поля и лен. Вот и все. Хозяйство незатейливое. Да иначе и нельзя, здесь, высоко в горах, все позднее созревает: температура резче и вершины гор всегда открыты разнообразным ветрам... Следы черкесских садов, впрочем, сохранились по ущельям, и деревья этих садов до сих пор приносят превосходные плоды, особенно бергамот.

Какая роскошная растительность! Какие величавые, гордые буки, дубы! А трава?! Сочная, густая, и вся пестреет разнообразными горными цветами. Перевалы, лощины, балки, целые пропасти среди вершин, то острых, то тупых... Какой широкий и далекий горизонт! Вот блещет Черное море, на другой стороне стелется Кубанская степь.

От таких картин не оторваться – все глядел бы да глядел на этот горный хаос, среди которого царит величайший порядок! И как все это и грозно и благородно!

Тишина, ни звука! Слишком мало людей среди этой непосредственности, гордой и сильной... Не будет и пятидесяти человек на площади длиной 12 и шириной 5-6 верст.

Конечно, зверей несравненно больше, нежели людей.

Здесь хутор доктора, где живут и работают он и его два друга, бывший студент-медик и драматический артист. В двух верстах живут в шалашах две семьи русских крестьян: у них прекрасное хозяйство и сытый хороший скот. И,

наконец, ближе к Шахану, по которому мы поднимались ночью, хутор, называющейся Молдаванка, хотя там нет молдаван, а тоже русские, семей 6-7... Вот и все поселение Лысых гор!

Все эти люди арендуют казенную землю, причем срок аренды всего годовой, краткий, потому жители Лысых гор и не строят домов, а живут в шалашах.

Все эти люди работают, не покладая рук, без вся кой посторонней помощи они (главным образом, доктор с товарищами) устроили, положим, неважную, но все-таки дорогу на Шахан, а местами, по склону гор, сделали хорошую дорогу... Ведь это масса труда и энергии: горная почва – почва, трудная для обработки! Поселенцы не нахвалятся своими местами.

– Да вы посмотрите, какая прелесть! И эта прелесть и красота всегда перед нашими глазами... Нам не скучно, потому всегда мы за делом... Мы всегда хорошо и покойно настроены потому, что нет таких впечатлений, которые могли бы дурно на нас повлиять... Не природа же с ее царственной красотой?! Правда, мы терпим некоторые неудобства и лишения, но это бывает зимой, когда к нам труден, а порой почти невозможен проезд, а летом, помилуйте! Туда, вниз к людям, в станицу спускаться не хочется... У нас покой и красота!

Очистились, принарядились зеленые горы, резко высту пили своими очертаниями на безоблачном синем небе, и красуются, словно гордятся друг перед другом... Притаились и смолкли буковые рощи: ни шелеста, ни ветерка!

Покой и тишина! Какой воздух! Какие краски! Грудь не надышится! Глаз не насмотрится!

Правда, сурова обстановка. В доме нет удобств, мебель простая: столы да скамьи, кровати без матрацев – спят на свежем сене. Но сон спокойный и крепкий после работы и на, безусловно, чистом воздухе.

Незатейлива и бедна пища хуторян, пища только растительная: картофель, горох, огурцы, хлеб и постное масло – вот и все перемены. Впрочем, забыл сказать о помидорах и, в сезонное время, о черкесских фруктах. Можно добавить к десерту и орехи, которых в лесу много, как и ягод – земляники, ежевики и прочее.

В тишине и покое прошел день, и наступил вечер, чудный, тихий вечер. Мы сидели на крыльце и прислушивались к разнообразным звукам... Почти прекратили свое пение птицы, неподалеку кричал дикий козел и его тонкий крик неся далеко-далеко... Послышался глухой шум, затрещали сухие ветки.

– Медведь пробирается к воде, – проговорил доктор.

– Так близко? – спросил я.

– Они у нас смирные, не особенно боятся людей... Да вот, недавно везу я жену и детей... Подъезжаем к Шахану, часов 8 утра было, смотрим, на самой дороге сидит медведь и ни с места. Лошади не идут, храпят, и в сторону... Я кричу, а медведь никакого внимания... Соскочил я с повозки и упал, запутавшись в вожжах... Тогда он сошел с дороги и спустился немного вниз, веро ятно, думая, что я затеял что-либо хитрое... Сидит все-таки близко и с любопытством смотрит на нас... Взял я камень, один, другой, и стал бросать в него... Медведь медленно поднялся и, не спеша, спустился к лесу. Тогда мы поехали дальше, а он все продолжал смотреть нам в след...

– Прелюбопытный экземпляр! Мы очень часто в лесу наталкиваемся то на медведей, то на кабанов, которых у нас множество, как и диких коз... Помилуйте, воля, простор, кормов много. Мы живем с ними в дружбе, не убиваем, не стреляем, и они привыкают к нам... И им, и нам хорошо... Враждовать и делить нечего! – и доктор добродушно рассмеялся.

Скоро наступила ночь, и все смолкло. Когда мы возвращались обратно, а это было днем, то перед нами, как в панораме, менялись горные виды. Один-другой поворот – поднимаешься в гору и перед глазами то живописное

ущелье, то красивые вершины, над которыми плавно и гордо реют орлы. Именно эта царственная птица, а не другая, подходит к горным вершинам!

Но особенно величественный вид с Шахана, по которому мы поднимались в совершенной темноте. Теперь светло, и видна дорога и глубокая бездна ущелья! Спускаться, вследствие необычной крутизны, было страшно трудно нам, пешим, не говоря уже о паре лошадей с повозкой... Вот-вот сорвется и покатится, и тогда не соберешь ни щепок, ни костей... Я спускался, не переставая удивляться, как мы поднимались, особенно на поворотах дороги, где так остры углы!

Но вниз мы шли скоро. Когда мы спустились с вершины и оглянулись на Шахан, повозка и лошади ползли, подобно мухам, по почти вертикальной стене угрюмого Шахана.

Дорога вниз, в Мягкую щель, казалась теперь, после всего пройденного, прогулкой, которую мы совершили в какой-нибудь час времени.

Иной характер носит селение Прасковеевка, которую мы посетили спустя некоторое время. Теснина, запертая со всех сторон горами, производила прямо мрачное впечатление. Дорога в это селение ужасная: во время дождей не всегда можно проехать.

Прасковеевские поселяне рассказывали мне случаи, когда им представлялась полная возможность лишиться жизни, вследствие отсутствия врачебной помощи по бездорожью. Со своей стороны прибавлю, что дорога, помимо своего не устройства, не представляет ни горных красот, ни живописности. Исключение – вид с горы на море и на Фальшивый Геленджик. Спускались мы в Прасковеевку вечером и спускались долго, точно в какую-то глубокую, мрачную яму.

Поворот за поворотом, все ниже и ниже, туда, где лают собаки и сверкают огни в хатах, в эту станицу мы ехали с горы не менее часа. Станица довольно большая, характера греческого (греков 300 душ, русских менее 100 душ) с небольшими, довольно грязными и крайне неудобными хатами, окруженными небольшими садами, а на возвышенностях виноградниками.

Кстати сказать, фрукты родятся здесь прекрасно.

Греки занимаются виноделием и табаководством, поэтому все стены их жилищ и сараев увешаны свежими листьями табака для просушки.

Прасковеевские вина невысокого качества и сбываются на местных базарах и сельских ярмарках; продают также виноград сырым по 1 руб.-1 руб. 20 коп. за пуд.

Был храмовой праздник, и я заглянул в церковь: священник служил по-гречески, хор пел по-русски.

В училище готовился общественный обед. На площади торговля шла вяло: одна телега кавунов, жамки, бочка плохого вина – вот и весь праздничный базар. Но общая картина все-таки по своей пестроте интересная: костюмы гречанок яркие – зеленые и желтые цвета преобладают; мужчины почти все в пиджаках, некоторые в чесучовых и накрахмаленных воротниках. Празднично, но бедно и несколько угрюмо! Мой спутник, бывший фельдшер, исчез. Оказалось, что его повели к больным, которых в Прасковеевке весьма достаточно. Эти больные остаются решительно без всякой медицинской помощи: ни доктор, ни фельдшер не показываются в эту несчастную станицу в горной трущобе.

Вообще, медицинское дело поставлено в Черноморской губернии ниже всякой критики: поселянам предоставляется право свободно умирать, и смерть регистрируется священником и урядником.

– Лихорадки здесь ужасные, – говорил мой спутник. – Дети мрут кучами, а болеют почти все, посмотрите на ребят...

– А что?

– Посмотрите... Вот они... Что замечаете?

Я посмотрел на детей с бледными, одутловатыми личиками и заметил несоразмерные с ростом большие животы на тонких ногах...

– Вот эта самая настоящая, злющая лихорадка! – сказал мой спутник.

– Это ужасно! И никакой помощи?

Я предложил поскорей выбраться из этой лихорадочной ямы и мы, навьючив лошадь, пошли к морю, которое находится в 4-х верстах от Прасковеевки.

Цель нашего путешествия была Молоканова щель, до которой было верст десять.

Солнце спускалось ниже и ниже, сумрачнее становилось в горах. Ни звука, тишина мертвая: только слышны наши шаги, да порой ударит лошадь подковой о камень.

Какие мертвые, безжизненные, горные леса! Хоть бы чирикнула птичка! Просвистела бы иволга или каркнула даже ворона. Нет, тихо... тихо и угрюмо!

Потянуло сыростью, темнело... Мы пробирались по Молокановой щели. Действительно, не долина, а щель! Меткое и характерное название. По этой узкой, саженой 50 и менее ширины теснине, мы идем между высоких и крутых гор, составляющих как бы стены тесного прохода. Дороги нет, имеется тропа, около которой течет речка. Мрачно и сыро!.. Здесь редко бывает солнце – горные стены прохода высоки. Одни папоротники и огромные деревья ореха.

Послышался гул. Становилось светлее. Я удвоил шаги, и первый вышел к морю. Прибой был порядочный, но вдали море казалось спокойным и пустынным. Право, какая безграничная водная пустыня, пустыня угрюмая, как этот безлюдный берег. Жутко здесь одному!

Впечатления моря отчасти зависят от берегов: веселый, людный берег оживляет море, смягчает его угрюмые краски, и не так страшен его гул, волна!

Переночевав, мы решили держать путь берегом моря, в малый Джанхот. Пустыки!.. Всего восемь верст! Ну, и версты! Мы тронулись бодро. Было ясное утро, часов девять. Небольшой ветер с моря освежал нас; то по мелким камням, то по морскому песку брели мы вперед и вперед, признаться – довольно медленно. Узкая береговая полоса оканчивалась каменной стеной, которая поднималась под нами высоко, высоко.

Во время сильного прибоя, не говоря о бури, здесь ходить невозможно: спасения нет, ибо волны хлещут о скалы...

Не трудно, поэтому, представить себе, что это за берег, по которому мы шли. Каждая буря, каждое волнение придавало этой узенькой полоске свой характер, взбудораживая камни, выбрасывая из моря целые каменные глыбы... Чего только мы не встречали на пути своем: прекрасные стройные пальмы, бамбуки, просто отделанные балки и доски для построек и, наконец, набрели даже на великолепную мачту от погибшего судна... Попадались какие-то скамейки, маленькие дощечки, все это выбросило море, выбросило по частям разные предметы с погибших шхун, фелюг!

Чем дальше, тем труднее было идти. Навстречу нам попадались не камни, а целые скалы – трудно было карабкаться по ним с осторожностью. Боже сохрани оступиться, споткнуться, когда под вами и около вас острые, крепкие камни. Местами даже и этот слабый узкий берег терялся, и мы шли по колено в воде: здесь море подходило, даже в тихую погоду, к береговым утесам.

Это не дорога, не намек на дорогу, а просто дьявольский хаос, хаос бесшабашный... Несомненно, здесь черти и ведьмы совершали свой адский танец, и перемешали и камни, и скалы, и целые огромные сосны с корнями и ветвями сорвали с каменных утесов и разбросали по этому удивительному, по своей дикой беспорядочности, берегу.

Идешь, идешь, да остановишься. Куда ступить? Голова кружится от непрерывного, напряженного внимания, глаза устали смотреть под ноги, на камни, да на камни. Отдохнуть!? Но какой здесь отдых и покой?! Посмотрите, что над вами. Висят каменные гигантские утесы, идут сверху до низу какие-то правильные, каменные гряды, идут непрерывно, параллельно друг другу и даже обрываясь, уходят в море, иногда образуя огромную стену – скалу.

В одну из таких стен, которую прасковеевские крестьяне зовут каменным парусом, стреляли с броненосца моряки, пустили четыре заряда, но стена осталась непоколебима, хотя заметны следы ядер, нигде не пробивших утеса.

Солнце жжет сильнее и сильнее, мучит жажда, не болят, а горят ноги, испытывая острую боль. Мы молчим и идем не вместе, а порознь, карабкаясь и напрягая все свое остроумие, чтобы удобнее пройти. Но какое может быть удобство!? Это слово здесь насмешка, не более!.. Все ближе и ближе мыс, за которым желанный малый Джанхот, а там отдых, и затем плохая горная дорога, которая теперь нам представляется необычайно удобной, прекрасной, по которой можно идти сколько угодно! Посмотрим, что наверху!..

Я взглянул и чуть не споткнулся. Над разнообразными скалами, где по одиночке торчат кривые сосны, высятся огромная, без всякой растительности скала в несколько этажей. Этажи напоминают правильные, едва заметные уступы и ниши стены. Гордо, сурово, как заколдованный замок, возвышается и над морем, и над скалами это каменное страшилище, на которое жутко смотреть...

Опять повстречались выброшенные с моря бамбуки, которыми мы запаслись и теперь шагали, как средневековые пилигримы с длинными посохами в руках.

Странно, но во время нашего путешествия мы не видели в море ни судна, ни парохода... Не только полоса, по которой мы пробирались, была отвратительна по своему дикому и мертвому характеру, но и море было утыкано, усеяно скалами, камнями разных форм, мокрыми и черными, вокруг которых клубилась и шумела волна... Одним словом, не на чем было остановиться и отдохнуть взору... Угрюмое, каменное царство!

Наконец мыс... Обходим его, думая, вот и конец! Но нет, еще эта дьявольская дорога, щели не видно!

Я посмотрел на часы: было два пополудни – стало быть, 6 часов мы шли эти восемь верст!

Море круто завернуло вправо, и перед нами открылась щель, зелень сосновой рощи, фелюга на берегу и турки. Пришли!

Туапсе.

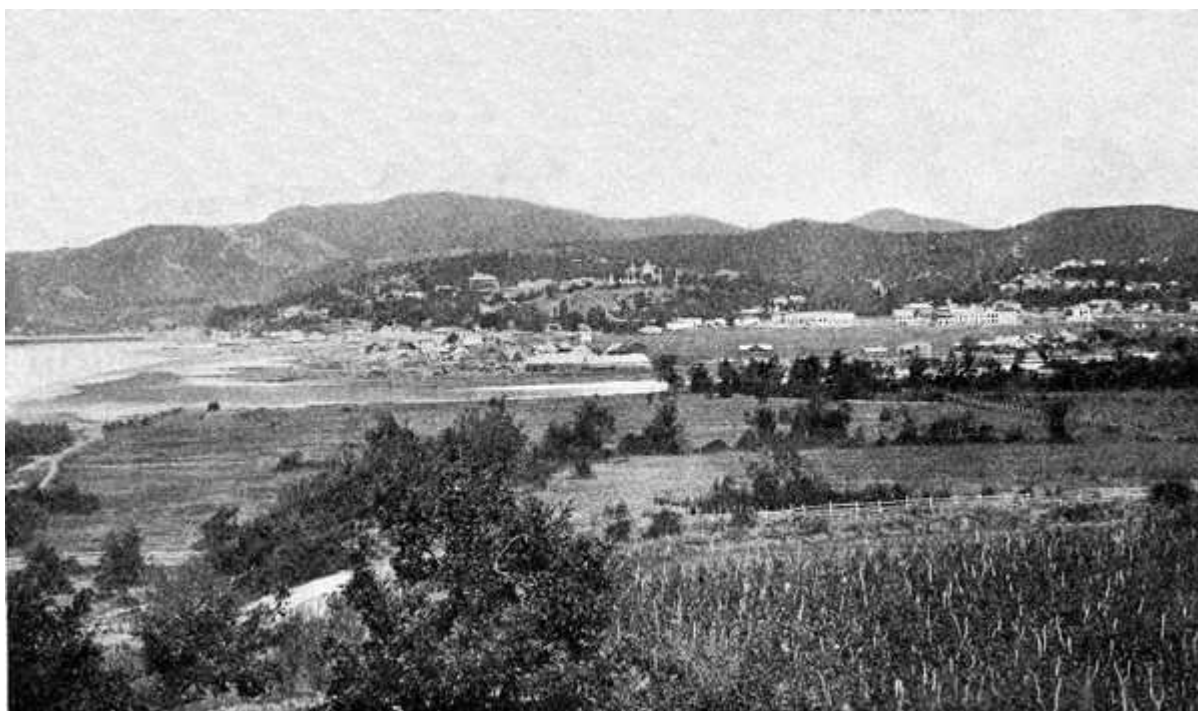
Второй курорт на Кавказском побережье к югу от Новороссийска – Туапсе. Живописное и прелестное местечко кажется с моря уютным. Церковь на горе, в зелени все постройки, разбросанные по возвышенностям, одни спускаются к берегу моря, другие поднимаются выше, пропадая в густой зелени гор.

Это не Геленджик со своей жалкой растительностью и пестрыми, плешивыми горами, нет, здесь веселая, словно смеющаяся на солнце зелень свидетельствует о настоящем юге с его густыми сильными красками.

Пейзаж Туапсе представляет характер сочного и компактного свойства и, действительно, будто напоминает персик, так как слово Туапсе произошло от персидского, что значит персик.

Раньше местечко это называлось Вельяминовским укреплением, которое с 1875 года становится посадом, а затем с 1896 года, когда образовалась Черноморская губерния, посад Вельяминовский был переименован в Туапсе, а станица, смежная с посадскими владениями, называется Вельяминовской.

Количество посадской земли 406 десятин, идущей от самого берега моря в долину гор. Всех жителей посадских не более 2000 человек смешанного населения (турки, греки, армяне, чехи, поляки и др.) с преобладающим русским элементом.

Всех владений 243. Одна церковь, два 2-классных училища – мужское и женское, городское управление, окружная больница, почта и почтовая контора, управление округа, казначейство, аптека, два аптекарских магазина, типография, две гостиницы, одна из которых помещается на самом берегу моря, и общественное собрание. Все расположено в сравнительно красивых, крепких, одноэтажных постройках, непременно окруженных садами.

Улицы в Туапсе прекрасные, широкие, с солидными тротуарами, большей частью прямые, но идущие по холмистой местности. С каждого места улицы открывается прекрасный вид или на горы, или на море. Город не производит впечатления казенного, ординарного, напоминая своей картинностью не посад, а дачный поселок, образовавшийся незатейливо, но свободно.

Окружающая природа придала этому поселку своеобразную прелесть, и посад не прервал с окрестной природой связи, поэтому трудно определить, где кончается одно и начинается другое.

Никаких фабрик и заводов в Туапсе не имеется. Кустарное производство кирпичей составляет местный крестьянский промысел. Постройки в посаде, по-видимому, растут, хотя квартир и помещений немного, что не позволяет развиваться курортной жизни в летнее время. Приезжих, действительно, немного, в сезон от 100 до 200 человек.

А жаль! Такое хорошее, поэтичное местечко!..

Лавок и магазинов порядочное количество, и, притом, магазинов просторных, с разнообразным выбором товаров. Базар тоже недурной: площадь и палатки имеют вполне приличный вид. Здесь же помещается здание с «монополем». Туапсе отчасти носит характер восточного города, что выражается в большом количестве кофеен.

Внизу же, на берегу моря, где находится старый базар, характер Востока еще более яркий, бросающийся в глаза. Одна кофейня подле другой: турецкая, персидская, греческая и даже русская. Это своего рода маленькие клубы, где вершатся дела, и идет игра в шашки, шахматы и кости.

Столики помещаются и в закрытых, и в открытых местах. Народа постоянно много, живой веселый говор разных наречий производит странное впечатление... Советую по сидеть за столиком среди этого разнообразного трудового народа и выпить чашку вкусного густого и ароматного кофе. Право, хорошо!

Перед вами открытое, бесконечное море, суда и фелюги с разными названиями, разных размеров и окраски в стройном порядке на подставках расположились линией около брызжущей и рокочущей волны.

Две купальни стоят друг от друга сажень в ста — одна мужская, другая женская. Много удобства в отдельных, а не смешанных постройках, меньше неприятностей и стеснения от несовместного купания. В Геленджике, например, и Новороссийске мужская и женская купальни помещаются в одном небольшом деревянном здании и купаться без купальных костюмов невозможно, что без привычки неприятно, и мешает непосредственной близости упругой морской волны.

На правой стороне берега построен мол, в виде глаголя, имеющий 210 сажень длины, но пароходы Русского общества торговли не заходят и не останавливаются у мола. Почему? Говорят, что мелко и потому опасно.

Странное дело и только в России, по-видимому, возможное: на общественное дело, на полезную постройку затрачиваются огромные средства, но постройка не достигает цели, как, например, в Туапсе этот мол, служащий местом для прогулок и для любителей рыбной ловли удочками. Стоило для этого воздвигать такую громаду?! Выйти из смешного и странного положения необходимо: если мелко, то произведите расследование и углубите или продолжите мол. А может быть, есть и другие причины: нежелание Общества пароходства и торговли пользоваться молом и покидать старую, ныне действующую, организацию лодочных перевозок пассажиров и товаров.

Все может быть!

Но только нужно знать и самому испытать удовольствие переезда на фелюге с парохода на берег во время зыби! Переход этот далеко не безопасный, в связи с отсутствием всяческого надзора, когда нагруженная до невозможности пассажирами фелюга тонет и последние становятся жертвой возмутительной небрежности.

А такие случаи бывали, и доходили до следствия и суда, хотя все осталось по-прежнему, по-старому и пассажирам самим приходится просить и требовать, чтобы в фелюгу не набивалось столько людей, что не только сесть, но и стоя нельзя повернуться.

От мола вдоль берега предполагается устроить бульвар, который будет засажен платанами. Для прогулок нельзя выбрать лучшего места: вечно живое, то тихое, то беспокойное море притягивает и влечет к себе постоянно, а частые приходы в бухту пароходов и судов и теперь, даже без бульвара, привлекают много местной публики. Вообще, пестрота и оживление постоянно царят на берегу.

Погрузку и выгрузку, как и везде на побережье, производят турки, ловкие и сильные работники. Интересно смотреть на их работу, когда море штормит, когда волна стремится помешать усилию людей с огромными ящиками или мешками на плечах, стоящих в воде среди брызг и пены морской, когда волны играют под ногами, шурша гладкими, выточенными камнями, а турки нагружают фелюги для парохода.

В Туапсе много работы на берегу, где помещается также и контора Русского общества. Товары сухим путем по недавно отстроенному шоссе (130 верст) доставляются из Майкопа: подсолнечное масло, дубовые ступки (четыре ступки составляют колесный ход), колеса, обручи – эти предметы идут на Новороссийск и дальше в Россию. В Сухуми в небольшом количестве грузится табак. Прежде экспорт табака был значительный, теперь сравнительно слабый, вследствие низких цен.

В настоящее время посад соединяет свое будущее с проведением железной дороги. Мечты у обывателей растут, принимая фантастические размеры, и вместе с тем растут цены на землю, страшно растут.

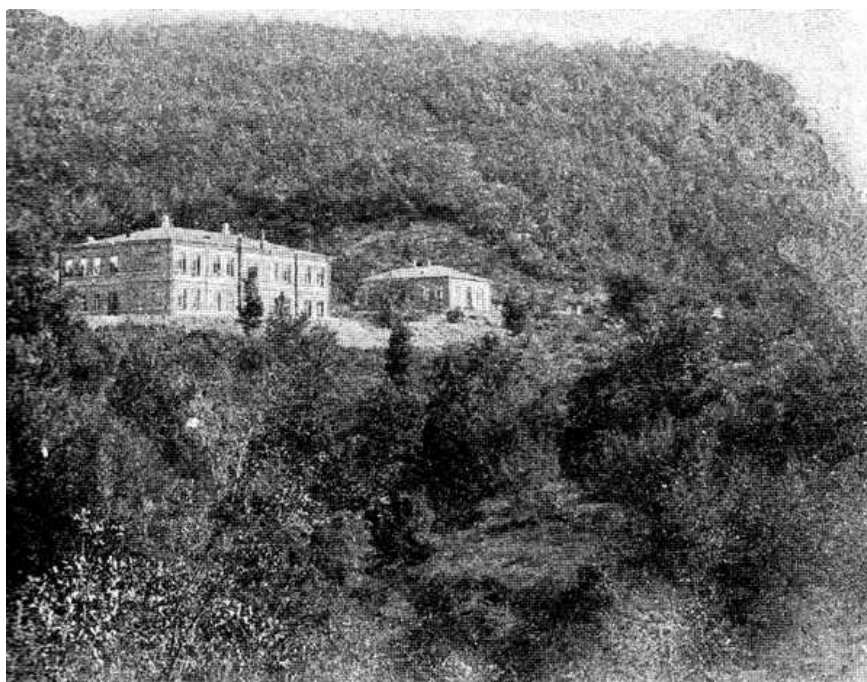
В общественном собрании можно узнать земельные новости и цены участков.

Кстати, довольно симпатичным выглядит это общественное собрание, помещающееся в центре посада на главной улице. Место, где можно встретиться и обменяться мыслями, а также прочесть газеты и журналы, выбор которых прекрасный. Большие светлые комнаты, хорошо и просто убранные, уютная маленькая сцена в зале, где происходят спектакли и концерты, хороший и дешевый буфет, бильярдная, но не хватает библиотеки, которой не имеется также и в посаде. Обед стоит 65 коп, ужин – по выбору, вина местные, недорогие.

По некоторым дням недели устраиваются семейные вечера. Вообще, жизнь туапсинцев носит спокойный характер, что вместе с живописной обстановкой окрестностей и близости моря вполне позволяет рекомендовать Туапсе как место летнего отдыха и морского купания.

Что касается лихорадок, то летом опасаться их нечего, кроме того, гарантия от них – возвышенное положение посада и чудный горный воздух. На мои вопросы о лихорадках местные врачи отвечали: “А где их нет у нас на побережье!” Разумеется, на юге, в Сочи, а особенно южнее, лихорадки интенсивнее, да и влажность там сильнее...

Окрестности Туапсе живописны. Станица Вельяминовская вся, как на ладони, видна из посада, расположенная в беспорядке внизу по предгорью южной стороны над речкой Туапсе.

Варваринское училище, в полутора верстах от посада, среди зеленых гор кажется и оригинальным, и изящным со своими солидными постройками из дикого камня. Оттуда великолепный вид на посад, на море и берег.

Пятиклассное училище плодоводства, виноградарства и виноделия открыто на средства Министерства Земледелия и Государственных имуществ. Первый выпуск воспитанников этого училища последует в сентябре

1903 года. Несомненно, Варваринскому училищу будет принадлежать немалая роль в сельскохозяйственном развитии края, потому я несколько подробнее остановлюсь на организации училища и его задачах.

Училище, при теоретических знаниях, поставило своей задачей практическое образование, для чего всеми учениками работы обязательны в плодовом, декоративном садах, питомнике, огороде и винограднике.

Для практической и теоретической подготовки в училище по виноделию, вина предполагается скупать у крестьян Черноморской губернии, что очень важно, так как крестьяне не имеют сбыта, как своим винам, так и винограда. Училище, несомненно, хотя и не в большой степени, но все-таки продвинет виноградную культуру.

Имея деловые хозяйственные сношения с крестьянами, училище повлияет в известном направлении на их культуру, уже и теперь замечается стремление крестьян заводить новые посадки фруктовых деревьев и даже приобретать декоративные. Училище в течение последних двух лет отпустило 1802 штуки плодовых лучших сортов и 1551 штуку декоративных. Требования эти шли как от крестьян, так и от владельцев культурных участков.

Едва ли можно сомневаться, что в будущем такие требования станут возрастать по мере развития сельскохозяйственной культуры.

В личный состав училища входят: управляющий, винодел, садовник, виноградарь, законоучитель, три преподавателя общеобразовательных предметов, врач и бухгалтер.

Всех воспитанников 62 человека, из которых казеннокоштных – 23, своекоштных – 32, полупансионеров – 1 и приходящих – 6.

Ввиду нового в Черноморской губернии специального заведения интересен состав воспитанников по происхождению: князей – 1(грузинский), дворян – 7, почетных граждан – 1, разночинцев – 5, мещан – 14, кубанских казаков – 8, казаков других областей – 2, крестьян Черноморской губернии – 9, крестьян других губерний – 13 и иностранных подданных – 2.

Некоторые прежде проходили курс в училищах: городских, сельских и ремесленных.

Теперь несколько слов о земельных угодьях училища. Всего земли 58 десятин 550 кв. саженей, в том числе под плодовым садом – 2346 кв. саженей, под плодовым питомником – 1 десятина 921 кв. саженей, под декоративным садом – 2100 кв. саженей., под питомником – 1826 кв. саженей, под огородом – 1500 кв. саженей, под виноградником – 2 десятины 358 кв. саженей, готового плантажа – 1075 кв. саженей. И, наконец, под усадьбой 2 десятины. Кроме того, сравнительно удобной для обработки земли, находящейся под лесом 20 десятин и неудобной 29 десятин 24 кв. саженей.

Вот все хозяйство и организация училища. Все здания и постройки училища производят весьма хорошее впечатление. Везде порядок и хозяйственность. Очень много света и простора в классах, а также не тесны и опрятны жилые комнаты воспитанников, у которых вид довольно бодрый и живой.

Упомянув об окрестностях Туапсе, весьма живописных, особенно по берегу моря, я не могу не обратить внимания на дольмен, находящийся в пяти верстах от посада, близ шоссе, против каштановой балки.

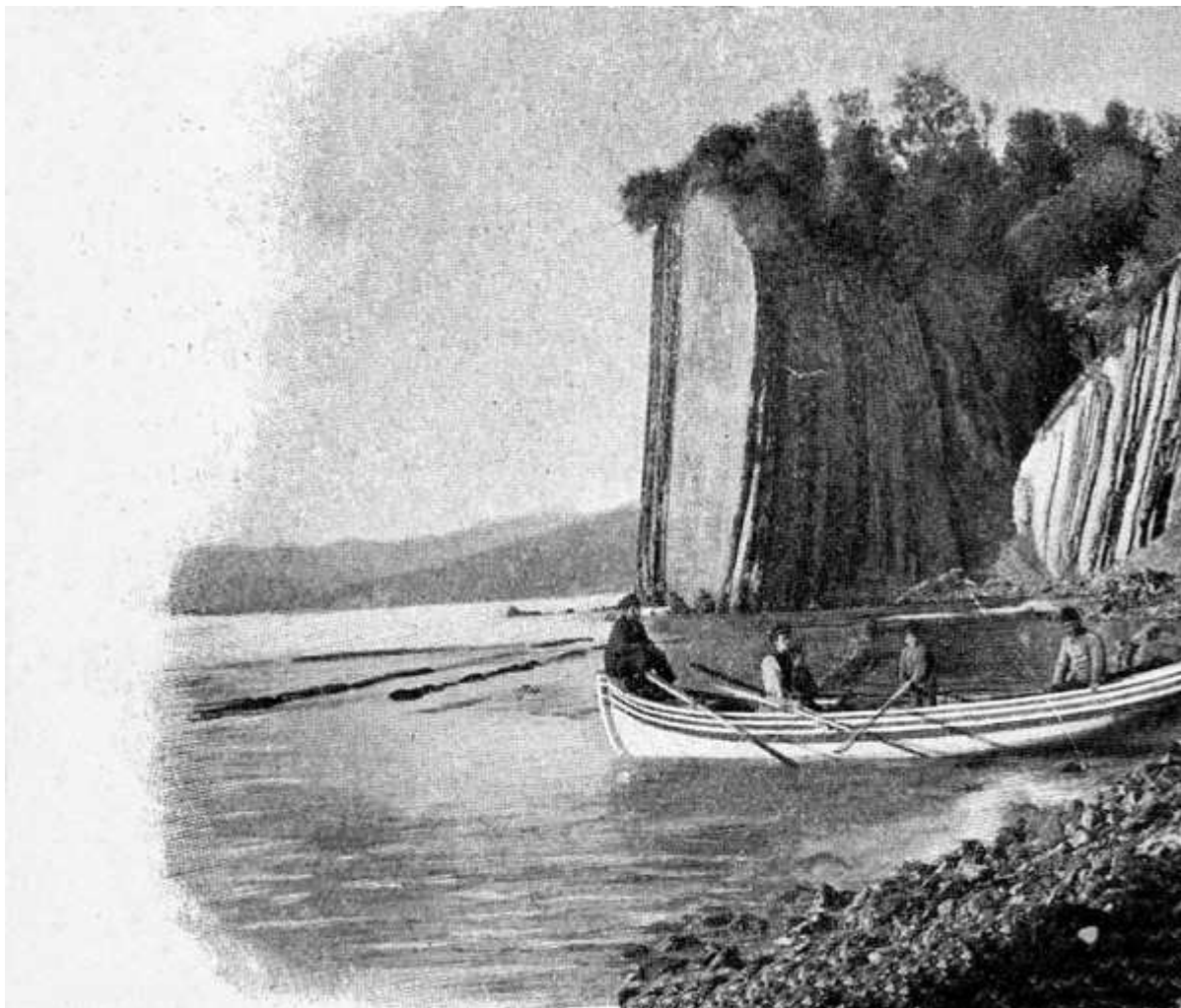
Этот дольмен, прекрасно сохранившийся, один из самых огромных, который мне приходилось видеть. Рисунок этого доисторического памятника прилагаю.

Чтобы достигнуть этого мрачного горного места, нужно подняться совсем невысоко от шоссе, и вы в густой чаще крепкого, развесистого дуба, упругих ветвей кизила и других кустарников. Место довольно угрюмое, лишенное

солнца. Но эта угрюмость покажется величественной при одном только взгляде на постройку, которая из тьмы седых веков во всей своей целостности находится перед вами.

Огромных размеров каменные плиты давят землю, стены богатырской хаты ушли в землю, а гигантская по величине и толщине крыша производит особенное впечатление сурового величия.

Какая сила нужна, чтобы создать эту хату? Сюда, на вершину, доставить эти каменные глыбы, сложить в правильном порядке?! Тогда машин не было, эту архитектуру создала и поставила сила человеческих рук!

Налево от исполинского памятника два утеса, как бы обнявшись друг с другом, задумались под ветвями столетнего дуба... Задумаетесь и вы, читатель, если посетите этот редкий памятник, задумаетесь и замолчите... суровое и торжественное молчание, окружающее дольмен, охватит и завладеет вами, хотя внутри вас, несомненно, станет подниматься и возникать вопрос: "Кто, кто же построил это каменное жилище? Зачем? И что здесь происходило? В какие времена?"

Ответа нет, и его не услышите. Молчат темно-серые плиты, молчат угрюмые скалы, только плотные листья огромного дуба что-то шепчут, о чем-то говорят...

Дольмен суров и неподвижен... Начертание двери на передней стене и совершенно круглое отверстие, через которое трудно проникнуть человеку, в задней, более низкой стене. Неизвестно, какую роль играло это отверстие!

В заключение я брошу беглый взгляд на состояние культуры в туапсинском округе за 1901 год. В каком состоянии находились виноградарство, плодоводство и табаководство?

Число виноградников у крестьян – 97, занимающих площадь 19 десятин 1661 кв. саж., у частных владельцев – 16 саж., площадью 40 десятин 1578 кв. саж. Крестьянами собрано 2328 пудов винограда, получено 1500 ведер вина.

Частными владельцами получено 7320 пудов винограда и 4500 ведер вина.

В число десятин под виноградниками вошли и мо лодые, еще не приносящие плодов. Урожаи, несомненно, с каждым годом будут увеличиваться, но в какой степени, это зависит от многих причин, между кото рыми для крестьян земельное неустройство играет видную роль.

Число садов крестьянских – 405, занимающих 76 десятин 100 кв. саж., у частных владельцев – 26, но занимающих 73 десятины 1587 кв. саж. Сбор фруктов у крестьян выразился в 1901 году в 8460 пудов, а у частных владельцев значительно меньше, так как много молодых деревьев; между тем крестьяне поддерживают старые черкесские деревья.

Вообще туапсинсий округ для виноградарства и садо водства очень пригоден. Из винограда получаются вина весьма хорошего качества (впрочем, ниже новороссийских). Назовем виноделов Штейнгеля и Дукмасова. Что касается фруктов, то груши, сливы, персики, абрикосы, яблоки превосходные; много сохранилось черкесских деревьев, дающих замечательные по вкусу бергамоты и яблоки, несколько грубоватые кожей, но вкусные, сочные и притом сохраняющиеся прекрасно. Мне приходилось пробовать эти яблоки, похожие на розмарин весной в апреле у крестьян, которые их держали просто в хате, и ничего!

Табакководством занимаются преимущественно армяне и греки. Всего под посевом было 123 десятины. Урожай был недурной – 72 пуда с десятины. Всего собрано 8866 пу дов, продано в 1901году – 9261 пуд (часть урожая прежних лет) на сумму 32413 рублей.

Цены на табак уже сколько лет держатся низко, табаководы находятся совершенно в руках скупщиков; кроме того, крестьяне не имеют сухих подходящих складских помещений и не могут выждать цен. Мне кажется, в этом отношении табаководам следовало бы построить общее помещение, где и хранить табак, тогда они несколько крепче бы держали цены.

Табачные плантации небольшие, возделываются семьями без пришлых рабочих. Сорта табака родятся хорошие.

Хлебопашество, при отсутствии удобных для этого земель, развито мало, местного хлеба хватает лишь на 1/3 населения. Недостаток пополняется привозным хлебом из Майкопа и вообще из Кубанской области.

Происходит натуральный обмен. За один пуд хлеба туапсинцы дают кубанцам пуд сушеных лесных груш, которых «пропасть» растет в горах. Обмен выгодный, не нужно ни сеять, ни ухаживать, а пойти в известное время в горы и собрать...

Будущее туапсинского округа, конечно, не в зерновом производстве, а в виноградном и фруктовом, особенно в последнем...

Сочи.

Третий курорт на Кавказском побережье – это Сочи, курорт прославленный, рекламированный.

Картина с моря и грандиозная и мягкая. Суровость дальних снеговых гор переходит в веселую зелень мягкого ландшафта. Только берег высокий, некрасивый и сумрачный.

Не понимаю, зачем построен этот мол, мимо которого проезжают пароходы?! Бесполезная работа инженеров на виду; говорят, много денег пошло “на это дело”. Еще бы!

Церковь на горе, маяк, разбросанные по ущелью по стройки, расчищенные от леса поляны. Изумрудом играет зелень на солнце!

Красивую картину представляет Сочи с моря, но только в хорошую и тихую погоду... Когда же прибой, дождь и туман, тогда видны только некрасивые берега, да серые гребни волн, мрачно ударяющиеся о берег.

В Сочи нет бухты.

Название Сочи, как говорят, произошло от слова «Соатше» – так называлось черкесское племя, заселявшее прежде это место. В настоящее время Сочи – посад, где с 1899 года введено упрощенное городское управление (голова с 12-ю гласными). Количество всей посадской земли 400 десятин, владений – 326, жителей обоего пола – 3985, причем, русских – 2948, а остальные состоят из греков, грузин, имеретин, мингрельцев, чехов, поляков, армян, немцев, эстонцев, турок, персов и евреев.

Общественная жизнь, как и общественная деятельность, развиты в Сочи в слабой степени. Чопорность и скука напоминают атмосферу всякого модного курорта. Шикарные туалеты дам, франтоватые костюмы кавалеров вместе с их скучающими, унылыми лицами, жара, почти постоянная влажность (среднее количество осадков – 2212 мм.) – вот впечатление посадской жизни, улиц и бульваров.

Если бы не богатая, роскошная растительность и живописные горные виды, совсем грустно было бы жить в Сочи. Прибавьте к этому частые дожди и глинистую почву, да угрюмый, каменистый берег моря с постоянным прибоем,

во время которого трудно и крайне неудобно купаться, то удобства и привлекательность Сочи представляются сомнительными.

Дороговизна, плохое качество продуктов, всевозможного рода барышничество, земельная спекуляция, продажа и перепродажа участков и планов – все это печальные особенности модного курорта.

В самом деле, откуда появиться действительной жизни, когда кругом пустыня, положим, богатая, роскошная, лесная, но все-таки пустыня незаселенных мест...

Задача покойного Н.С. Абазы была привлечь в Сочи и на побережье капитал, т.е. богатых людей, которые и должны были создать культуру.

Прежде здесь жили и работали крестьяне, поселенные ра нее, но их нашли нужным отодвинуть вглубь гор, а земли их переименовать в культурные участки. Крестьянам пришлось устраиваться снова, еще не приноровившись к кавказским, в сущности сложным, трудовым условиям.

И вот все сочинское побережье населено потребителями, а производителей нет, или они далеко, там за горами и долами, куда нет ни дорог, ни путей.

А давно ли, 40 с небольшим лет здесь, в горах, была блестящая черкесская культура. Горцы прекрасно умели возделывать зерновые растения, культивировать плодовые, производили хлопок и мед, причем последний в огромном количестве отправляли за границу. Веками выработанные предупредительные меры против лихорадок, этого, действительно, бича для русских, известны тем, кто интересовался черкесской культурой, плодами которой мы, к сожалению, не воспользовались и не сохранили, не поддержали того опыта, который эти люди оставили нам в наследие. Это же должно сказать о фруктовых садах и горных дорогах – как те, так и другие заросли и одичали.

Вот что писал о горцах английский путешественник Эдмонд Спенсер в 1837 году: «С первого же момента, когда передо мной открылись черкесские долины, вид страны и населения превзошел мои самые пылкие представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве. Горцы всеми средствами оберегали водные источники».

Лихорадка, малярия – это неизбежное зло кавказского побережья, в том числе, конечно, Сочи и его окрестностей, не страшила горцев, они с этой болезнью вели борьбу правильную и вполне сознательную: их аулы находились высоко в горах, куда не поднимались малярийные миазмы. И хотя горцы сеяли и собирали жнивье в долинах так же, как и косили траву, но все эти работы производили до заката солнца, спеша вверх в свои аулы. Но довольно о старой, уже не существующей культуре, будем говорить о том, что есть, и о том, к чему стремится в будущем Сочи.

Посад мало-помалу развивается, постройки растут, развиваются и окрестности Сочи. Но как все это развивается?! Как и в Новороссийске появились захватчики, так называемые «нахаловцы», которые образовали целый квартал – «Нахаловку»... Собрались отчаянные люди и в одну ночь построили хаты, распланировали улицы и предъявили права на занятые участки. Коротко и просто, не правда ли?!

Станным путем, и совершенно искусственными, в будущем рисуются для сочинских обывателей радужные картины небывалого роста и богатства посада, когда... когда пройдет железная дорога, которая привезет все блага мира, которая оживит, быстро закультивирует и заселит край. Тогда наступят времена блаженства, ввиду которого и теперь сочинские землевладельцы и аферисты чувствуют себя хорошо: земли не по дням, а по часам растут в цене.

Цена квадратой сажени земли в Сочи приблизительно 8-9 руб., около базара доходит до 30 руб. Многие думают довести ценность своих участков, которые отойдут под железную дорогу, прямо до невероятных размеров; право, мне неловко вписывать ту цифру, какую мне называли вполне достоверные сочинские обыватели. Впрочем, свободных участков с постройками и без построек много. Министерство Земледелия и Государственных имуществ, приобретя земли Хлудова и Верещагина, разбило их на участки и пустило в продажу по мелочам по 1 десятине, 800 и даже 600 кв. саженьей.

Министерство совершило выгодное дело. В самом деле, огромное имение Хлудова 98,9 десятин с постройками, виноградником, фруктовым садом куплено всего за 660000 руб., а теперь кв. сажень продается по 8 руб. Говорят, что Хлудов на свои затеи, которые он называл культурой, затратил 2,5 млн. рублей.

Когда я проезжал хлудовские участки, кстати, расположенные на очень живописных местах, некоторые впечатления получалось далеко не из приятных: запустение, одичание повсюду, необрезанные деревья, Бог знает в каком виде виноградники, мрачное, в виде фабрики, здание винодельни и другие не то развалины, не то постройки. Все напоминало, что здесь когда-то что-то было, затевалось, и при том в больших размерах и все пошло прахом... Много положено денег, но без толку, без соображений и без приспособления к местным условиям.

Последнее обстоятельство составляет альфу и омегу рационального хозяйства со всеми окружающими экономическими и даже традиционными условиями...

В самом деле, посмотрите у Хлудова! Виноградник засажен так густо, что походит на дикие кусты, не то колючки, не то чего-либо в этом роде.

Виноградная культура, да еще в огромном размере, далеко не практичное предприятие, так как при большой влажности, не совсем подходящей почве, в Сочи и окрестностях нельзя рассчитывать на хорошие вина. Другое дело фруктовые сады. Но Хлудов не считался с местными условиями и производил дорогостоящие опыты. Опосредством «грибка» он желал иметь свой херес, свою мадеру и прочее. Что ж в результате, после труда и затрат – 40000 ведер никуда не годной жидкости. Это вино – херес, мадера и прочее, выливалось в речку, затем приступали к новым, еще более нелепым опытам...

Капитал действительно был привлечен в Сочи, рабочую силу составляли бурлаки и босяки, но знание отсутствовало, отсутствовала и хозяйственная организация.

Появились управляющие именьями, люди без всякого опыта и знаний, люди «с бора, да с сосенки», которые, конечно, безусловно, исполняли дикую волю своих хозяев, которые властно распоряжались всем тем, что Господь послал... Вырубались строевые леса, на месте которых воцарялась мерзость запустения, строились какие-то здания для неизвестных будущих операций, но серьезного простого дела никто не делал и выгодного, нужного хозяйства никто не заводил. О «хлебе насущном» никто не пекся, но каждый думал о высших культурах, например, о бананах, о кофейном дереве...

Там, где у горцев были пастбища и прекрасный скот, там теперь ни пройти, ни проехать, где были их фруктовые сады, там теперь дико, да живут кабаны и медведи...

В самом деле, в Сочи трудно найти сносных молочных продуктов, хорошего мяса и дешевых овощей...

Пойдите на базар и посмотрите!

Кстати о базаре. Базар этот грязный, совершенно не благоустроенный, производит впечатление какого-то шумного хаоса, базар гораздо беднее Сухумского и несравненно грязнее, нежели базар в Туапсе.

Да и кому и что привозить на базар в Сочи?!

Заселение и оживление черноморского побережья велось по известному, несколько странному и даже наивному шаблону. Береговая полоса с культурными участками, посадками – это веселая, гулящая потребительская сторона. Это, если можно для сравнения выразиться – пассажиры первого класса, которые владеют и наслаждаются морем. К их услугам пути сообщения, т.е. береговое шоссе, и вообще всякие удобства. За этими «береговыми культуртрегерами» идет второй класс, непосредственно близкий как к первому классу, так и к береговому (единственному) шоссе... Этот класс тоже потребителей, думающих об устройстве садов с необыкновенными фруктами, которые они с огромным барышом будут сбывать в Петербурге, когда... когда пройдет железная дорога!

Все это люди, которым нужны хорошие овощи, хорошее мясо, молоко, яйца, дичь и прочее, нужен разнообразный, блестящий и сочный базар! А такого базара нет, потому что пассажиров третьего класса очень мало и вагоны эти пустуют!

Дело в том, что по проекту «заселения и оживления побережья» третий класс, т.е. производители, должны быть поселены выше береговых жителей, в горах, среди лесных дебрей, без всяких дорог... Там они должны развести всякие нужные и полезные предметы потребления, организовать хозяйства, работать, производить и время от времени спускаться с гор, именно спускаться, со свежим товаром своего собственного производства. Одним словом, тогда закон политической экономии в сфере спроса и предложения вполне осуществится: и земледелец будет доволен и потребитель. Мало того, они между собой будут знакомиться, и после этого установится крепкий обмен, и земледелец начнет разводить вместо капусты трюфели...

Все бы это было так, если бы были дороги и правильно организованное заселение побережья... Но пустынно, угрюмо в лесах горных...

Переселенцы из России ждут земель, подолгу ждут, бедствуют на побережье и клянут себя, зачем ушли из старых мест, где, по крайней мере, хоть хаты были...

В самом деле, когда слушаешь их рассказы и их нужду...

Два года крестьянин Каменец-Подольской губернии ждет земли, ждет устроиться в Сочинском округе – все разрешение не выходит. Спасибо генералу, у которого он прирабатывает, обещал выхлопотать...

– Семейный? – спрашиваю переселенца.

– Как же, и жена, и дети! – отвечает еще здоровый и крепкий крестьянин и затем продолжает. – Три семьи нас сюда прибыло... Все распродали задешево, значит, да сюды на житье... Думали скоро охлопочем, а не тут то было... Ждать, значит, нам велено!.. Вот мы и ждали с земляками, и все бы ничего... к этому, чтобы ждать привышные мы люди, подождать можем... Работишка была, кормились все-таки... я то у генерала, а земляки у разных господ работали. Только приехал один чиновник, да и повел нас земли смотреть, которые нам будут нарезаны... Что ж, посмотрели... земли хорошие, только под лесом, здоровым лесом. Ладно, думаем, повалим лес, станет пашня... Посмотрели, да и назад, сюда в Сочи.

Проходит день, другой, земляки и говорят:

– Не ладно мы тогда земли посмотрели, надо бы опять пойти да сурьезнее взглянуть!

Пошли, братец ты мой, да и пропали!

– Как пропали?

– Заблудили – во как! Дороги нет, пошли тропой, да и сбились... Целую неделю бродили по горам... Сюда пойдем, лес да горы, в другую сторону повернем, то же самое... Измялись. С голоду пропали бы, если бы не фрукты да орехи... И пропасть же их там... Бродим, бродим, станем на колени и у Господа Бога просим милости, чтобы Он нас вывел, не дал бы умереть без покаяния. Да еще что?! Лезу я в гору, и наверх глянул, далеко ли мне подниматься... Смотрю, на дороге медведь, большущий, смотрит на меня сверху... Не знаю от страха, что и делать, а он нагнулся, взял в лапы камень, да как пустит в меня...

– Ну, что ж, попал?..

– Нет, не попал окаянный!.. Бросил, да ушел куда-то, скрылся... С той поры не расставаясь, вместе ходили, пока не выбрались... Более недели в лесу проплутали! Земляки, как пришли в Сочи, сейчас в церковь... Помолились, да с первым пароходом назад, домой, говорят: „Бог с ними, с земляками, не надо нам ничего... Так и уехали, а я у «генерала» пристроился!

Таков был короткий рассказ переселенца. Впрочем, не раз мне приходилось и в других местах слушать нечто подобное. Приедут крестьяне, укажут им земли, на которые они посмотрят, да ни слова не говоря, назад. Какая же причина? Полное отсутствие горных дорог... Прибавьте к этому, что переселяются из степей люди вообще не знакомые с горной обстановкой, а тут жить в горах без всяких средств передвижения. Разве это возможно?!

Вообще, за редкими исключениями, деревни переселенцев находятся в горах, а то большей частью в щелях и долинах, близ горных речек, почему они и подвержены, в значительной степени, малярии. На горах крестьяне не хотят селиться как горцы, по причине, как я сказал, бездорожья.

Береговая полоса занята, помимо культурных участков, крупными имениями, пожалованными деятелям Кавказской войны. В настоящее, впрочем, время эти имения продаются по довольно высоким ценам, другие же земли пустуют, может быть в ожидании большего их повышения.

Несомненно, отсутствие сельскохозяйственных знаний не только у переселенцев, но и у частных владельцев, составляет одну из причин бесхозяйственности.

«Вопрос о том, какие сельскохозяйственные продукты могут быть с успехом и выгодой разводимы на Кавказском Черноморском побережье, является совершенно открытым. Вы часто слышите утверждение, что в этих благословенных местах растет решительно все, что ни посадите... Растет то растет, но какого достоинства получаются плоды и выдерживают ли перевозку – нужно выяснить. Для выяснения же этих интересных и важных

вопросов необходимо устройство хотя бы небольших опытных ферм в нескольких типичных местах побережья» (журнал «Сельское хозяйство», 1902 г.).

С этим нельзя не согласиться, как и с необходимостью заняться развитием скотоводства и коневодства... Горные пастбища близ Сочи составляли выгодный промысел черкесов.

Постоянная необходимость питать курорты и города заставляет подумать о поднятии и развитии скотоводства серьезно, не откладывая этого дела в долгий ящик. Нельзя же такому богатому краю жить по сие время за счет Кубанской области, откуда на побережье поставляется мясо, хлеб и прочее?!

Экономическая политика покойного Н.С. Абазы, нельзя не согласиться, односторонняя, но, однако, привлекла на побережье людей важных, влиятельных, и с капиталом.

Результат этой политики – будущая железная дорога, которая сама по себе не решит всех экономических и сельскохозяйственных вопросов побережья, не решит даже и того, чтобы этот край был действительно русским не по названию, а по существу.

Остается задача сложная и важная: правильное переселение и заселение края русскими крестьянами на места уже исследованные и, так или иначе, не отрезанные от всего мира. Устройство внутренних путей сообщения и развитие среди поселенцев сельскохозяйственных знаний – меры первой надобности. Последнее не мешало бы предоставить «странствующим» агрономам, которые на местах практически знакомили бы с той культурой, которая в данной местности представляется существенной. Для оживления и организации сельскохозяйственного производства на побережье требуются меры особенные, энергичные и быстрые.

Свободное, трудовое начало должно лечь в основу этого края будущего. Помните, как экономически складывалась на трудовом принципе Америка.

Вольный интенсивный труд создаст и капитал.

На побережье жизненные процессы совершаются быстро: какая сила роста! Какая производительность! Между тем, мероприятия (переселение, устройство дорог и прочее) идут медленно, по шаблону, не подходящему к жизненным требованиям.

Надо, впрочем, надеяться, что край двинется вперед, так как с нынешнего года во главе дел по устройству Черноморского Кавказского побережья стал министр земледелия А.С. Ермолов, который близко принял к сердцу настоящие интересы и будущее края.

Намечены экономическое исследование и земельные оценки... Но продолжаю о Сочи.

Кроме Хлудовского участка Министерство Земледелия приобрело очень выгодно Верещагинский участок близ моря в размере 54 десятин за 35000 рублей. Участок этот разделен по мелочам: на 600-800 кв. сажень и продается за плату посаженно, смотря по положению.

Некоторые из этих участков отданы с большими льготами: под гостиницу, под санатории для учащихся и нуждающихся в поправлении здоровья.

К этим участкам в настоящее время примыкает только что устроенный прекрасный парк, обширный, занимающий площадь в 8 десятин земли над самым морем.

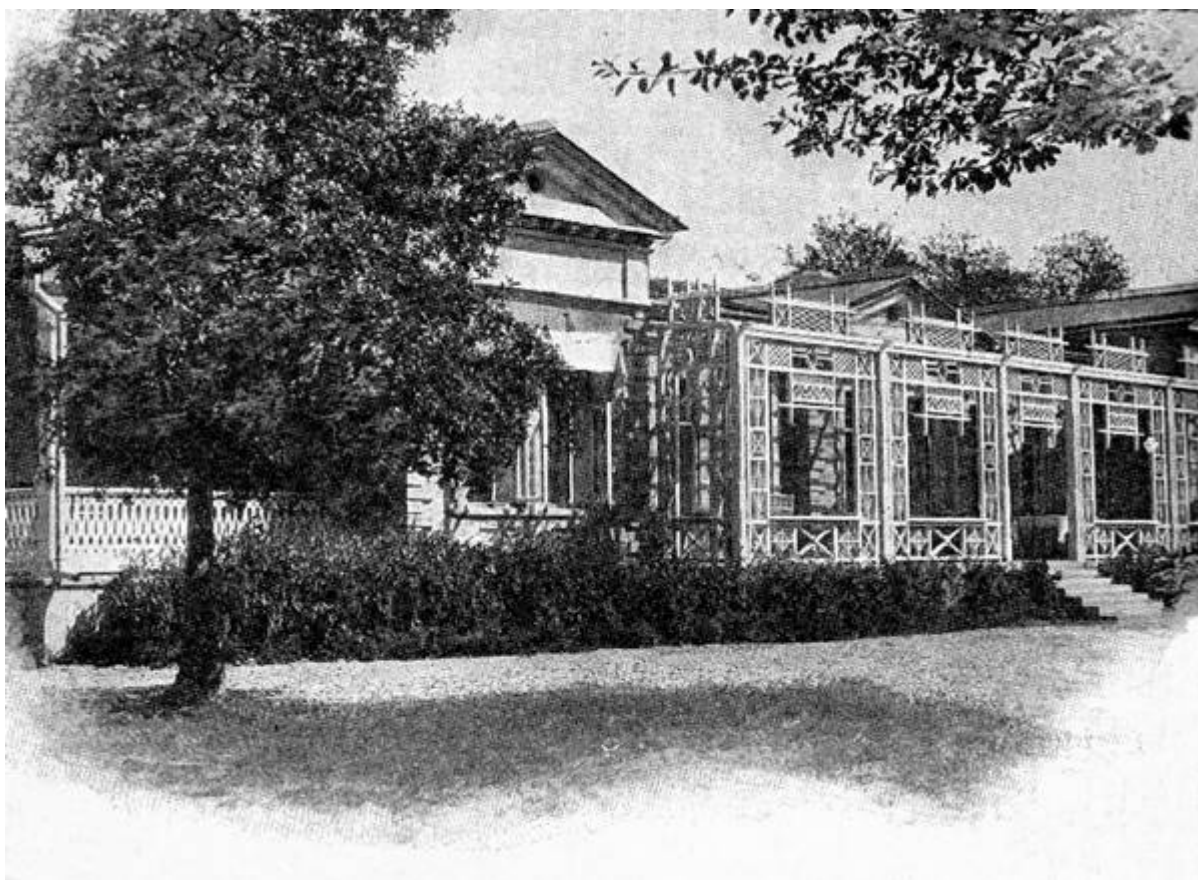
Среди букового леса, расчищенного, с широкими ал леями, усыпанными морской галькой, растут померанцевые деревья, латании, туи, лавровые деревья, магнолии, камелии и прочие высоко декоративные сорта блестящей

кавказской флоры. Хорошо погулять в этом парке, есть где и посидеть, и полюбоваться грандиозной картиной капризного и гордого моря, постоянно меняющего свое настроение.

Старый береговой бульвар, конечно, не может сравниться по красоте и изяществу с нынешним «Ермоловским» парком, хотя и на бульваре есть густая тень и вековые экземпляры деревьев. С бульвара прекрасный вид на море и на купающихся. Эти купания едва ли не самые неудобные на всем Кавказском побережье. Совершенно открытое море, мыс, крутой, почти отвесный спуск и узкая, вся в камнях, береговая полоса с постоянным прибоем, с каменистым дном моря и всевозможными неудобствами раздевания и самого купания, во время которого волна может вас сбить с ног.

Идешь купаться, а сам думаешь: «Скорей бы выкупаться да подняться наверх».

Конечно, при таких условиях о купальнях не может и речи быть: купален в Сочи нет!

Впрочем, к северу от Сочи, к хлудовскому участку, имеются места для купания хорошие и удобные. Кстати, для жителей на хлудовских участках, в честь покойного Н.С. Абазы, вдоль реки устроен бульвар, с которого можно любоваться прекрасным видом на г. Сочи и окрестные горы.

Теперь о гостиницах и квартирах в Сочи. Всех гостиниц семь (с маленькими – 13), из которых большая часть в верхней городской части, например, по Московской улице идут в ряд: «Россия», «Петербургская гостиница», «Меблированные комнаты Д.». Несколько ниже, между городом и базаром, гостиница «Франция», и другие. Общий характер всех этих жилищ для приезжих крайне несимпатичный. Не говоря о непомерной дороговизне (небольшой номер – три рубля), в них грязно и крайне шумно. Принцип: содрать, во что бы то ни стало, слишком резко бросается в глаза. «Меблированные комнаты Д.» добросовестнее других и, кроме того, там имеется хоть какая-нибудь растительность, а то, например, «Россия» и «Петербургская» стоят на голом месте, на припеке. Имеются цены на комнаты и менее 3 руб., но в таких помещениях и повернуться трудно. Относительно стола (обед от 50 коп. до 1 руб.) можно сказать, что это кухни «греческих кухмистерских» в Петербурге.

Имеется в Сочи общественное собрание, вроде клуба, где можно обедать, ужинать, но без особенного аппетита – стол крайне посредственный и сравнительно дорогой.

По своему устройству помещение сочинского общественного собрания менее уютно и менее удобно, нежели таковое в Туапсе, хотя и здесь выписываются газеты и журналы.

Книжных магазинов в Сочи, конечно, нет, библиотека имеется частная и бесплатная, принадлежащая госпоже Майковой, библиотека, оказывающая несомненную услугу городу, а главное приезжим, которые могут пользоваться книгами и читать газеты.

Много в частных домах сдается комнат, средняя цена каждой приблизительно рублей 40 в месяц. В таких комнатах, конечно, лучше жить, нежели в гостиницах, смотря, впрочем, каков характер у хозяев, бывает, что и от удобств убегают. Квартиры в Сочи есть очень удобные, особенно отдельные небольшие дома в 5-6 комнат. Такие помещения ходят рублей 600 за сезон. Санитарная сторона города Сочи заставляет желать очень и очень многого. Например, правильная очистка помойных и выгребных ям в значительной части сочинских домов не практикуется вовсе, поэтому загрязнение почвы несомненное.

Никаких водопроводов не имеется; вода для потребления развозится в бочках за плату 25 коп. Впрочем, имеется проект устройства водопровода и электрического освещения при содействии в качестве двигательной силы падение воды реки Агуа, притока реки Сочи.

В Сочи, как в маленьком городке, имеются все присущие таковому учреждения: городская управа, полиция, почтово-телеграфная контора, казначейство, двухклассное мужское и одноклассное женское училища, церковно-приходская школа, городская больница, на которую Министерство Земледелия выдало 5000 руб. пособия и, наконец, в самом близком будущем предполагается устройство мужской прогимназии на 60 мальчиков. Причем городом для этого дела отведено 2000 кв. саженей земли и на постройку 8000 руб.

Сочинский народный дом располагает довольно порядочной театральной залом, в котором во время сезона заезжими артистами устраиваются концерты. В обыкновенное же время, зимой, в этом доме функционирует чайная – отпускается по дешевой цене 200-300 порций чая. Это немного, если принять во внимание огромное число босяков и бурлаков, работающих в Сочи.

Люди эти не устроены в Сочи: помещений для них нет, ютятся они где попало и получают, непременно, лихорадку. Правда, имеется нечто вроде «ночлежки», которой босяки пользуются зимой. Это дом, в настоящее время никому не принадлежащий, оставленный бывшим казачьим постом и почему-то не поступивший во владение пограничной стражи. Впрочем, скорее развалины, нежели дом, сырые, неприветливые.

Общество попечения о бедных, построив народный дом, открыло в память о А.С. Пушкине бесплатную народную читальню, которая, как это не удивительно, бывает открыта по 2 часа в день – с 3 до 5 – часы самые неудобные для народа, который в это время на работе. Какой материал для чтения в этом оригинальном учреждении, я не знаю. Впрочем, со временем читальня может исполнять с честью свою функцию, если найдутся люди, сочувствующие этой полезной цели.

Рабочего люда много в Сочи. В самом деле, стройки не прекращаются, идет постоянная расчистка, плантаж, посадка декоративных и других растений, одним словом курорт ширится, развивается, работы много, рабочая плата довольно высокая, конечно, сравнительно. Кроме того, про водятся между дачными кварталами дороги, постоянно ремонтируется и устраивается береговое шоссе. Везде нужны рабочие руки, представителями которых являются бурлаки и турки, те и другие превосходные работники. Турки исключительно заняты работой на берегу – выгрузкой и погрузкой, да еще на шоссе, в устройстве которого, в Красную поляну, они особенно отличились своей ловкостью. Одному из них, забыл его имя, за работу даже выдана медаль.

Вся масса рабочего люда помещается внизу около базара, где притаилась «монополия», разного рода грязные кофейни и трактиры, пекарни, винные, парфюмерные магазины, и всякие другие.

В этой, нижней торговой части Сочи вообще грязно, а после дождей грязь самая непролазная. И не только грязь, но и небольшие болотца с зеленой, засыпанной отбросами водичей.

По воскресным дням гул и шум в нижней части отчаянный: продают и торгуют. А бурлаки гуляют. Бездомные, бессемейные, оторванные от родных деревень. Люди эти, сильные и крепкие, могущие выдерживать всякую беду и самую тяжелую, адскую работу, получают иногда артельно значительные суммы за труд. Что им делать? Куда девать деньги? У некоторых нет не только кошельков, но и карманов в надетых лохмотьях. Ну, оденутся, купят себе что-нибудь. У кого есть семьи, им пошлют часть денег, а остальные куда деть? Не в банк же нести? Попробуй! Товарищи на смерть засмеют... И идут, тяжелым трудом добытые гроши, прахом, пропиваются деньги без удержу, бессмысленно и как-то нервно, прямо спешат, торопятся истратить свои гроши бурлаки. Тратят, гуляют артельно.

Большая артель бурлаков в Сочи получила расчет от подрядчика. Вышло на брата ни больше, ни меньше, как по 80 рублей... Много денег получила артель, но спрашивается, что с этими деньгами делать?

Работали бурлаки на Красной поляне, вели жизнь трезвую, трудовую. Ни водки, никаких соблазнов среди грандиозной горной природы не было. А здесь, в Сочи, где они получили расчет, и водка, и вино, и трактиры.

Артель закупила трактир и наняла чуть ли не все фазтоны. Три дня пили, кутили бурлаки... Пьют, пьют, потом выйдут из трактира, сядут в экипажи и проедутся несколько раз тут же по базарным улицам. И снова пить, пока, наконец, трактирщик не заявил: «Довольно! Все деньги пропиты! Прошу теперь вон!»

И целая, большая артель, опять рваная, без денег, с затуманенными на другой день головами, ищет опохмелиться, чтобы опять работать, работать без конца, до смерти!

Подрядчики же ждут, наблюдают и спрашивают трактирщика, скоро ли пропьют, много ли денег еще осталось? Нельзя ли, чтобы поскорей! У подрядчиков уже приготовлены «похмельные» деньги.

Но не только пьют и угощают водкой других бурлаки, но и едят особенно. Приходит порядочная артель в кухмистерскую, конечно в народную, обедать. Артель с деньгами, немного выпила, и благодушно настроена.

– Завтракать, обедать и ужинать! – заявляют бурлаки.

Хозяин в недоумении. Бурлаки платят за все, что приготовлено на настоящий день и за всех обычных посетителей, которые пусть едят сегодня даром, за их счет! Не широта ли русской натуры?! Сколько наивности и душевности!

Все эти сцены происходят в нижней базарной части Сочи, где помещаются всякие склады и конторы пароходства, где есть проход и проезд к берегу моря, откуда садятся и куда высаживаются с пароходов пассажиры. Сторона эта рабочая и торговая. Насколько здесь просто и первобытно, доказывается, между прочим, хотя бы тем обстоятельством, что на берегу моря, там, где пассажиры целыми часами, а иной раз целыми днями и ночами ждут пароходов, – там для них нет никакого пристанища, где бы положить и сохранить свой багаж и где самим укрыться от дождя и непогоды!

Замечательное отношение пароходных компаний к пассажирам на одном из модных и важных курортов, где живут министры, и вообще важные люди!

Конторы далеко от берега. Пришел туда, взял билет, и иди на камушки на берегу ждать парохода, который неизвестно еще когда придет...

Что-то невероятное и возмутительное, когда приходится говорить о пароходстве на Черном море... Тогда вспоминаешь железнодорожные порядки и к удивлению своему думаешь: «А на железных дорогах как хорошо и как удобно. Да, читатель, приходят такие невероятные мысли в голову, и приходят тогда, когда вы находитесь на пароходе, ждете парохода, переходите с берега или высаживаетесь на берег. Все равно, какая компания: Русская или Российская, всякая пароходная компания или общество существует и работает не для пассажиров, а для своих акций!

Но хорошо, живописно и, пожалуй, уютно вверху в Сочи в самом городке. Красивые домики окружены роскошной зеленью садов. Растут пальмы, олеандры, множество розовых кустов льют свой аромат, причудливые цветы грациозно склонили свои пестрые, махровые головки. Яркое, блестящее солнце! Синее небо и чудная, сочная зелень – картинно, поэтично. И тут же близко, близко от вас и море, и горы со своими таинственными вершинами и долинами.

В Сочи растительность роскошная: здесь соединилась и северная и южная флора побережья. Какие мощные экземпляры дубов и буков и с ними растут нежные виды субтропической флоры.

Правда, на глинистой почве то и дело виднеются предательские листья папоротников. Что же делать? Берегитесь лихорадок, особенно вечером... Еще большее будущее имело бы Сочи, если бы была бухта и более удобный для купания берег.

Сочи курорт не особенно дорогой, хотя и не дешевый... Мне кажется, если обстоятельства заставят Сочи идти по пути удешевленной жизни, с развитием некоторых удобств для среднего русского человека, то Сочи может рассчитывать на прочную будущность... Если же курорт будет модный, дорогой, то едва ли дело это прочное, всякая мода изменчива, а курорт, и притом большой, может поддержать масса, а не кучка избранной публики. Дешевые квартиры, недорогие гостиницы, сносный стол – вот что нужно для приезжих в Сочи... Больше ничего не надо, нужна природа и красота – а этого в Сочи и окрестностях не занизать...

Тогда средняя публика потянется тысячами, и тогда окрепнет, станет на ноги и разовьется Сочи в недорогой, живой, многолюдный и чисто русский курорт!

Летом в Сочи очень влажно и жарко. Лучшие месяцы август, сентябрь, октябрь и ноябрь. Погода великолепная, дождей мало, воздух сравнительно сухой, роскошный воздух, которым не надышешься. В ноябре в Сочи цветут розы, в некоторых местах, совершенно закрытых от северо-восточных ветров, растут и созревают на воле лимоны и мандарины. Лавровишня, лавр, маслины, пальма, магнолия и веллингтония – все эти растения можно видеть в Сочи в прекрасном состоянии.

Правда, в Сочи нет гарантии от морозов, против которых необходимо принимать меры к сохранению нежных экземпляров растений.

Все-таки в Сочи климат мягкий, хотя и влажный. Иногда здесь декабрь месяц напоминает май, даже в декабре цветут розы и другие дикорастущие растения.

Страдающие некоторыми грудными болезнями в Сочи чувствуют себя хорошо, особенно чахоточные. Кроме того, что для пешеходных прогулок в Сочи имеется бульвар и новый парк над морем, следовало бы городу обратить внимание на участок десяти в 50 прекрасной горной возвышенности к северо-востоку. Все это место, покрытое лесом, с удобством могло бы быть отведено тоже под парк. Затраты при этом, не особенно большие: расчистка леса, проведение дорожек, установка скамеек, несколько площадок, чтобы можно было любоваться превосходными видами с высот.

Переходя теперь к окрестностям Сочи, из которых многие по красоте и живописному положению заслуживают несомненного внимания, укажу на находящуюся в двух верстах от города опытную станцию Министерства Земледелия с питомником декоративных и фруктовых растений, могущих произрастать в данной местности. Небольшое место со склоном на юг, с превосходным видом на расстилающееся, безбрежное море, выбрано крайне удачно для цели, которой с успехом служит. Неподалеку находится мастерская столярных и слесарных изделий.

По живописной дороге к Туапсе расположились по берегу моря крупные имения, принадлежащие Великим Князьям, покойному Н.С. Абазе и, наконец, Государю Императору.

Имение Великого Князя Михаила Николаевича «Вардане», защищенное от холодных (N-0) ветров, расположенное в красивой местности, несколько суровой, обладает мягким климатом и сильной производительностью почвы. Здесь свободно растут: гранатные, тюльпанные деревья, миндаль, мушмула японская и др. Хороший фруктовый сад... Одним словом, растительность богатейшая, чему в высокой степени способствует влажность, благодаря орографическим особенностям этой местности, которая богата влагой.

Помещения для жилья на высотах необходимо для «Вардане», в настоящее время усадьба переносится выше над уровнем моря, кажется 300 футов.

«Ниджи» – имение Н.С. Абазы, ближе к Сочи, его стараниями было очищено от зарослей и разделано под производительные поляны. Между прочим Н.С. Абаза много занимался плодоводством, культивируя черкесские сорта яблок, груш, персиков, фундука и прочих. Результат выразился в том, что некоторые сорта черкесских фруктов, при своей сочности и хорошем вкусу, очень долго сохраняются и могут выдержать далекую перевозку.

Это же обстоятельство я наблюдал в других местах, и не понимаю, почему садоводы пренебрегают черкесскими сортами, которые создавались, как ни как, вековой культурой.

Затем идет имение Великого Князя Константина Константиновича «Учдере», замечательное по своей лесной богатой растительности, при картинности положения и обширных пчельниках. Надо сказать, что мед на Кавказе, благодаря обилию цветов, превосходного качества; горцы серьезно занимались этим выгодным промыслом. К сожалению, русские мало обращают на пчеловодство внимание, не смотря на то, что товар в цене постоянной и перевозки не боится.

Конечно, пчеловодство со временем разовьется, если будет дан толчок, вообще, хозяйственному движению на побережье.

Дагомыс – более суровая местность, хотя она и южнее Учдере и Вардане, местность более открытая холодным ветрам, не так защищенная положением и растительностью.

В Дагомысе находится ферма, жилища рабочих, управляющего, расчищено место для постройки будущего дворца. С моря вид на Дагомыс прелестный. С высоты 500 футов, открывается удивительный по красоте вид на море, с береговыми зелеными скатами и террасами среди сильной, крепкой и густой растительности.

Близ самого Сочи очень хорошие, защищенные от ветра, в красивом месте, участки Каткова и Леонтьева, ныне приобретенные Министерством Земледелия.

Все эти земли и имения еще не обработаны, не культивированы и будущее ждет их впереди. Едва ли можно ошибиться, если сказать, что будущее это блестящее. В самом деле, всякий самый поверхностный наблюдатель при своем первом знакомстве непременно будет удивлен силой роста, могучей производительностью крепкой кавказской почвы. Растет, так растет... Посмотрите на дуб или бук – сила и красота. Другие лесные породы также... В этих горных лесах нет места слабой и вялой растительности: все гордо и крепко!

Большой и серьезной важности вопрос, что именно поддерживать и производить в той или другой местности которые, несмотря на силу и производительность, имеют всегда свои особенности и характер...

Уловить эти особенности, постичь ту культуру, которая свойственна данной местности, окружить ее подходящими условиями и развить вокруг нее другие подходящие к ней производства, одним словом – вызвать жизнь и постоянный целесообразный обмен почвы и воздуха – вот задача агронома и организатора на Кавказском побережье, задача мудреная, но благородная и продуктивная!

По дороге в Адлер. Серные источники. Адлер.

По дороге в Адлер, до которого от Сочи 31 верста (до Гагры 62 версты по шоссе), по обе стороны шоссе, окруженные неизменной колючей проволокой, тянутся и спускаются к морю культурные участки, принадлежащие лицам или родовитым, или высоким по занимаемому положению. Участки по размерам разные – от 5 и до 50 десятин. К северу от Сочи тоже имеются таковые участки (Каткова, Леонтьева и др.), а также земли, принадлежащие удельному ведомству. К югу встречаются фамилии владельцев: князь Юсупов, коммерции советник Найденов, князь Оболенский, князь Долгорукий, граф Бобринский, министр Витте, князь Хилков, князь Ливен и Трепов, Муравьев, князь Гагарин и Щербатов.

На участках заведены разные декоративные насаждения и построены более или менее вычурные, дачные здания. Мелькают перед вами версты, тянется колючая проволока и попадают, постоянно, ворота с надписями владельцев, а за воротами и забором ютятся в зелени жилища.

Немного мрачно, но недурно: много тени, и берег спускается к морю отлого, не так, как в Сочи.

Все эти участки проданы членом государственного совета Н.С. Абазой, председателем комиссии по «заселению и оживлению» Кавказского побережья. Идея председателя, как я говорил, была такая – привлечь к самому берегу богатых и знатных людей, а в горах устроить крестьянские поселки. Он слишком много придавал значения капиталу во вред чисто трудовому принципу. Нынешний председатель комиссии А.С. Ермолов, министр Земледелия, иначе смотрит на дело. Он предполагает развить крестьянское поселение и придти к нему на помощь, чтобы ознакомить его с высшей культурой; для этой цели основано в Туапсе училище плодоводства и виноделия.

Но продолжаю о впечатлениях по дороге. Недалеко от Сочи нам встретились подводы с тремя мертвыми телами мингрельцев. Это обычные, ежегодные жертвы серных источников в 10-12 верстах от Сочи, на реках Мацесте и Агуры. Это богатейшие серные источники с несомненным будущим, по исследованиям специалистов (профессор Залесский), богаче серой, нежели пятигорские серные воды.

В настоящее время эти источники находятся в первобытном состоянии и ими пользуются туземцы, которые приезжают с гор и располагаются лагерем для лечения. Люди простые и наивные, иногда они забираются в ущелье, где имеется серная грязь, а, следовательно, и сероводород. Проникнув в отверстие, чтобы добыть целебной грязи, эти люди задыхаются там. Никакой охраны нет и отверстия до сих пор свободны. Но после последнего случая с тремя мингрельцами (29 июня сего года), по приказанию министра Земледелия А.С. Ермолова, опасные входы заделаны решетками.

И пора, наконец... Сколько погибло и задохнулось людей?! Мне говорили, что много: каждый год несколько случаев.

Источники находятся в двух верстах от шоссе, и когда проезжаешь мимо щели, через мост речки, вас обдает сильным запахом серы.

Первый источник имеет свои выходы на северо-западной стороне хребта Де-Симон, источник Агуры – на юго-восточной. Серные источники вытекают из 2-х зияющих гротов, идущих горизонтально в глубину горы и на своем выходе образуют природные ванны аршин 5 в диаметре и около 2 аршин глубиной. Воздух не только в ваннах, но и в самой долине очень сильно насыщен парами сероводорода, так что трудно дышать.

Ни жилья, никаких приспособлений для пользования серными ваннами не имелось до 15 сентября 1902 года, когда министром Земледелия было устроено небольшое ванное здание, в которое по трубам проведена минеральная вода, пред варительно поднимаемая посредством насоса в особо по строенный бассейн. Вода в ваннах будет нагреваться до надлежащей температуры.

Дебет источника на реке Мацеста до 200000 ведер в сутки. Вследствие притоков пресной воды, вода источника имеет синевато-молочный цвет, ее температура +24°C, а источника на Агуре +24,3°C.

Во время купания тело покрывается массой мелких пузырьков углекислоты. Летом приезжих туземцев масса, так что у источника образуется целый поселок своеобразных курсовых, из которых многие, пораженные сильным ревматизмом, почти не могут двигаться, но по истечении курса купания совершенно выздоравливают и без всякой посторонней помощи уезжают по домам. Понятно, что целебная слава этих источников распространилась далеко по Кавказу и число больных, приезжающих лечиться, год от года растет. Мне кажется, что вследствие такой, чисто народной, туземной популярности серных источников близ Сочи, в будущем, когда здесь, несомненно, будут устроены помещения, поселятся доктора и будут приняты необходимые меры для удобства больных. Одним словом, когда здесь образуется специальный лечебный пункт, то не нужно забывать и о простых людях, туземцах, которые для исцеления будут приезжать по-прежнему. Для них нужно организовать самые дешевые помещения и предоставить им бесплатное пользование ваннами, не роскошными, конечно, в которых они не нуждаются, а хотя бы самыми простыми. Нельзя у народа отбирать то, к чему он привык и имеет нужду пользоваться сиздавна.

Мной уже были написаны эти строки, когда министр Ермолов по своей инициативе пошел навстречу этой народной нужде: две ванны уже устроены для бесплатного пользования, 5000 руб. назначено на дальнейшую организацию, и по 750 руб. на три года, начиная с лечебного сезона 1903 года. Будут устроены еще бесплатные и платные ванны, а также небольшая гостиница.

Нет сомнения, что для эксплуатации этих серных вод возникнет скоро курорт, а известно, что наши русские курорты не для народа...

Климат у источников, как и в Сочи, теплый и мягкий, несравненно лучший, нежели в Пятигорске.

Земли источника Мацесты принадлежат Министерству Земледелия, а большая часть земель источника на Агуре – частным лицам, у которых правительству следовало бы их приобрести.

Исследованная в нынешнем году минеральная грязь около источников оказалась илом минеральной воды смешанного соляно-сернистого типа.

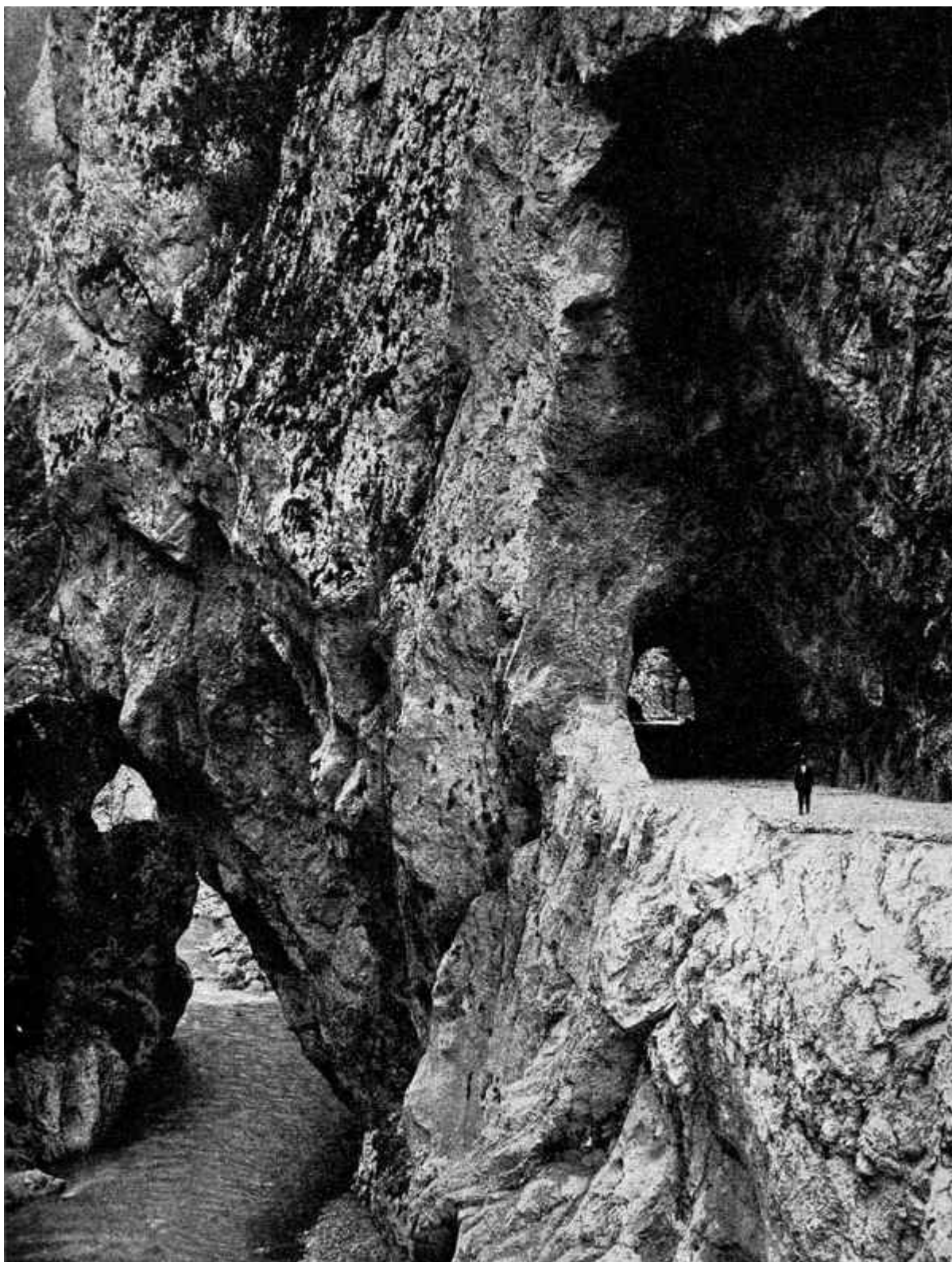
Проехав мост и поднявшись в гору, вас покидает неприятный серный запах, снова блещет вдали море, чудный воздух наполнен ароматом богатой растительности.

Дорога все время идет близ моря, то, спускаясь к нему, то, удаляясь в горы. Когда идешь около моря и наслаждаешься его красотой и далеким горизонтом, впечатление получается грандиозное и светлое. Не то в горах! Мрачно и сыро кругом, почти все деревья перевиты лианами, сквозь которые трудно, а где и невозможно проникнуть. Какая сильная, могучая природа! Здешняя культура представляется непрерывной борьбой против этого могущественного роста всевозможных растений, которые могут заглушить, уничтожить оставленные без надзора и дороги, и сады, как было с черкесскими. Впрочем, старое береговое шоссе еще цело и мы по нему ехали. Почему? Потому, что новое ремонтировалось! Очень странно, что эти ремонты часты, и еще страннее то, что дорога не проведена была по заранее устроенной, а сделана самостоятельно выше!? Еще вопрос, какое из этих шоссе прочнее. Право, странные наши строители! Здесь мы проезжали культурные участки, расположенные в живописных местах.

Не доезжая 12 верст до Адлера – город Хоста, город культурный, искусственно созданный, распланированный. В этом городе еще нет пока ни управления, ни полиции, ни даже тюрьмы. Единственный в России город! Два кирпичных завода, а на отведенных участках поселены до дюжины ремесленников, а остальные участки находятся под дачными постройками культурных людей. Создан этот город одним росчерком покойного Н.С. Абазы, чтобы иметь необходимых для «оживления» культурных участков специалистов-рабочих. Не правда ли оригинально?

Взять и построить город! Но этот город произвел на меня грустное впечатление... Дорогая, но какая то мертвая игрушка! И зачем этот город?! Число постоянных жителей 200 душ, имеется небольшая гостиница и фельдшерский пункт с двумя постоянными кроватями.

Проехали – дорога становилась светлее и веселее, по ели тогда, как выехали из мрачного сырого ущелья, где вчерне построен город Хоста, что по-турецки означает болезнь. Не мудрено, что в такой яме царят лихорадки!

В верстах двух до Адлера сворачивает налево новое, отлично устроенное, шоссе на Красную поляну, до которой 50 верст (дорога на «поляну» не только полна грандиозности, но и поражает грозным величием).

Еще подъем, и засверкала небольшая характерная бухта Адлера с длинной вдающейся в море косой; местность низкая, открытая, но красивая по своим очертаниям гор, необыкновенно картинно и постепенно возвышающихся и уходящих все дальше и дальше, пока их темная зелень не достигнет сверкающих на солнце серебряных шапок крайних вершин.

Адлер – первая остановка пароходов из Сочи. Говорят, слово «Адлер» по черкески значит «взято». Теперь это селение, а прежде была крепость Святого Духа, из стен которой построена церковь и школа, прочий материал от разрушенной крепости сложен в порядке и предназначен для церковной ограды. Около церкви находится «братская могила 11 нижних чинов, убитых при бомбардировании села Адлер во время войны 1877-1878 гг.».

Мне понравилось это селение, широко и свободно раскинувшееся по берегу и дальше. Может быть потому, что был праздничный день, – оживление, шум и говор рабочего люда повсюду. Какая простота! «Смесь одежд и лиц». И мингрельцы, и турки, и греки, и имеретины, и грузины, и настоящие русские земледельцы-крестьяне.

Село большое, с площадью и прямыми широкими улицами, с мелочными лавками, торговлей местными винами, трактирами и многочисленными кофейнями. Прибавьте к этому одну гостиницу, очень чистенькую, под фирмой «Мир», и один извозчий фазтон, и тогда можно получить некоторое представление об Адлере с его маленькими хатами, с небольшими садиками, с непременно цветущими китайскими розами.

Жгучий юг, яркое солнце, синее море и зеленые горы – вот живая декорация Адлера.

Был, как я упоминал, праздник. Прямые, правильные улицы Адлера были заняты оживленной и пестрой толпой рабочего народа, среди которого я видел значительное число бурлаков и босяков. Конечно, некоторые из них были навеселе, но общего впечатления живого веселья не нарушали. Все были необыкновенно добродушно настроены, а солнце светило так радостно и так приветливо.

Было жарко. Далекие снеговые вершины были подернуты голубоватым туманом, обширная и сырая низина переливалась на солнце изумрудной зеленью.

Где-то на берегу моря пищала зурна, в духане слышалась грустная песня. Я бродил по улицам, и мне не хотелось уходить в комнаты гостиницы, где я остановился. Толпа рабочего люда тянула к себе, тянула своей наивной простотой...

– Господин! – остановил меня молодой босяк. – Позвольте табаку, свернуть папиросу.

Я не отказал.

– Эх, – произнес он с отчаянием, – такой праздник, а денег ни копейки, стаканчик выпить не на что!

Он не просил, а так пожаловался на свою несчастную судьбу... И в самом деле, почти все пьют, гуляют!

Я предложил босяку 10 коп., из которых он взял только 5, обещая их непременно мне возвратить.

Я пошел дальше, думая к обеду купить бутылку местного вина. Мне встречались разные люди, и когда я остановился у торговца фруктами, то один из них, русский рабочий, довольно прилично одетый, обратился ко мне с наивным предложением:

– Господин, – говорил он, поглядывая на меня любовно, – господин, позвольте угостить вас.

– Благодарю... зачем же?! – изумился я.

– Если вина не желаете, – продолжал деликатный человек (иначе я назвать его не могу), – то я могу предложить лимонаду... пожалуйста, прошу вас!

Я, все-таки, отказался.

В винной лавке, где среди бурдюков, сидело несколько человек, на меня обратила внимание компания русских рабочих, которые разглядывали мою персону внимательно.

В то время, когда я пробовал и выбирал вино, мы обменялись несколькими фразами, вслед за которыми последовало предложение выпить стакан вина, не погнушаться их простой компанией. Не правда ли странно такое добродушное отношение к незнакомому человеку?!

А между тем, не только в Адлере, но и вообще на побережье такое отношение я замечал среди бурлаков, босяков и вообще рабочих, но не местных русских поселян, людей сдержанных и недоверчивых. Полагаю, что причина этому лежит в неустойчивости земельного и постоянного ожидании тех или других порядков, в перемене которых выражается общественная жизнь крестьян Кавказского побережья.

Сегодня можно рубить лес, можно сдавать в аренду участки, завтра запрещено и то и другое. Порядки на побережье, в большинстве случаев, зависят от личностей: хороший человек – все идет хорошо, придирчивый, требующий от крестьян внешнего почета, относящийся к ним свысока – тогда дело дрянь, тогда смута в крестьянском обществе, тогда рознь между членами, недоверие и озлобление.

Русский поселенец еще только складывается на побережье, хотя под влиянием гордой, могучей природы и совершенно иных, нежели в России условий, из этого русского уже вырабатывается другой, более свободный и живой тип, хотя сдержанный.

Впрочем, сдержанность – свойство хохлов, которых среди русских на побережье большинство.

Селение Адлер состоит из поселенцев – крестьян херсонской и бессарабской губерний, с 1869 года поселенных в горах, откуда они в 1878 году переведены в Адлер с наделами по 9 десятин 430 кв. сажень на двор.

Пока местечко, несмотря на свое береговое положение, не курорт, но, по всей вероятности, в скором времени приезжие станут останавливаться в Адлере, тем более что купание здесь недурное, а красота местности с успехом поспорит с Сочи. Лихорадки? А разве их нет в Сочи и Гаграх?

Впрочем, для дачного житья квартир нет, хотя продукты имеются, и не требовательному человеку провести некоторое время в Адлере весьма возможно.

В Адлере имеется училище, почтовая контора, базар и значительное число небольших лавок со всевозможным мелочным, железным и мануфактурным товаром. На пристани летом очень оживленно: турки заняты по грузкой леса, которым торгует Адлер.

Прекрасные каштановые доски и балки идут за границу. Мы видели местные работы из этого дерева: столы, шкафы – превосходные вещи по легкости и красоте материала.

Да, не только каштан, а многое, еще более ценное хранят суровые горы, кольцом окружающие зеленый Адлер!

Сообщение между Адлером и Сочи ежедневное: ходят дилижансы по 80 коп. с человека в один конец.

От Адлера до Гагры дорога очень живописная: постоянное море, горные скалы и живописные речки заменяют одну картину другой. Не доезжая 10 верст до Гагры, кончается Черноморская губерния и начинается Абхазия (Сухумский округ). В заключение должен упомянуть о страшных разливах реки Мзымты, разливах причиняющих адлерцам и убытки, и огромные неприятности. Сердитая и бедовая эта река!